

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР.

№ 18 — 19 (246 — 247) 23 апреля 1933 года. ЦЕНА 40 К.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усевич.

Сегодня в номере:
Годовщина исторического решения ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций

А. Безыменский

ОБ АНЕКДОТЕ НА ДВУХ НОГАХ

Посвящается Г. Ф. и Н. Б., обоим вместе и каждому в отдельности

Гремели литературские бури,
Кипела страсть, кругом велась бой,
А он сидел, как прыщ,
в литературе,
Чуждом жил и вел дела свои.

Он был велик.
Он делом правил смело.
Он раздавал лавровые венки,
Он исключал, он выговаривал дела,
Дарил любовь и клеил ярлыки.

Быть может, он писал для нас рассказы?
Писал стихи?
Романы и статьи?
Быть может, он имел талант и разум
И открывал все новые пути?

Куда уж там!
Воспитанный в кружочке,
Явив собой литературного пашу,
ОН В ЖИЗНЬ СВОЮ НЕ НАПЕЧАТАЛ СТРОЧКИ,
ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ СТАТЬИ:
«КАК Я ПИШУ».

Совсем не те обязанности нес он!
Когда шлепа плевина лит-вождя,
Он грохотал, Потел,
он хлопал носом.

В ладоши бля, за восьмерых гудя.
А если вдруг вылезла на трибуне
Противник их,— он делался угрюм,
Кричал, свистел, разбрызгивая слюны,
Пускал смешки и, в общем, делал шум.

Поправки он считал большим восставшем.
Злодей!
Подлец!

«Ты книгу дал? Мы разбирать не станем!
За нас иль нет? Все прочее муря».

Не лезь к нему с романом и рассказом.
Его девиз никак нельзя забыть:
«ПОЭТОМ НЕ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ,
НО ЧЛЕНОМ РАППА БЫТЬ ОБЯЗАН».

На нем тепа забенная печать.
Позор!
Беда!
Истерзан он!
Измучен!

Какая гадость!
Надобно писать,
А к этому он с детства не привычен.

Ему теперь почти нельзя помочь.
Он развращен былою чествой дикой.
Но все ж он жив— и кое-кто не прочь
Его опять поставить орг-вождикой.
Групповщины! Пустое блатовство!
Сей анекдот мы только смехом встретим.
В тридцать втором апреле двадцать третьим
Он осужден— и рыцари его.

Писатель! Друг и брат!
Литературу двигай.
Работай. Спорь.
Учись.
Будь слит с борьбой страны.

Пиши. Твори.
Расти. Отчитывайся книгой.

Для роста все пути нам партией даны.

Какой у нас простор для творческой работы!
Утром же в труде упорство и размах!
И, дела не найдя ни в стройке,
Исчезнет лит-сорник, исчезнут анекдоты
На двух ногах.

За искусство больших идей и чувств

Капитализм враждебен художественному творчеству, он отвращает и разлагает его. Буржуазия — труба на пути лучших умов человечества, лучших творцов и создателей культуры. Фауст осушал болота, заражая воздух. Ромэн Роллан, Анри Барбюс, Андре Жид, Теодор Драйзер, Шервуд Андерсон, Джон Дос-Пассос и многие, многие другие очищают мир от капиталистического болота, заражающего своим гниением пять шестых земного шара. Лучшие художники Запада черпают пафос своего творчества в борьбе с буржуазным строем, идеи борющегося пролетариата воодушевляют их, социалистическое строительство в СССР дает им новые творческие силы, наши успехи ведут их в борьбе и творчеству.

Пролетариат даже в условиях капиталистического строя борется за свою культуру, он, могильщик капитализма, выдвигает своих художников и творцов. Меньшевики и троцкисты отрицают его право на свою культуру, но в борьбе с международным меньшевизмом и троцкизмом рабочий класс овладевает оружием искусства, обращая его против строя, основанного на эксплуатации и угнетении, на частной собственности. Творчество любимого писателя пролетариата М. Горького показывает, какие огромные творческие силы имеются в рабочем классе. Творчество М. Горького имеет всемирно-историческое значение. В его лице пролетариат впервые выдвинул действительно мирового художника. Если в условиях капиталистического строя пролетариат был в состоянии выдвигнуть такого художника, как М. Горький, то какие же грандиозные и необятные перспективы для расцвета художественного творчества были раскрыты в стране победившего пролетариата! Когда А. Н. Толстой говорит, что Октябрьская революция дала ему как художнику все, то эти слова одно из мастеров литературы могут быть сказаны десятками писателей, чья революция вырвала из узких ушей буржуазного искусства и поставила на такие вышки, откуда зоркий художник может видеть по-новому весь мир и все человечество. Октябрьская революция поставила октябрьское поколение писателей, свою первую страну на писавших только в стране пролетарской диктатуры и уже создавших значительные произведения. Десятки писателей пришли в литературу с фронтов гражданской войны, с фабрик, заводов, шахт и советских полей, создав исторически новый тип писателя. Огромные успехи в искусстве и литературе тех народов, которые раньше были угнетены, зачастую не имели даже простой письменности. И вместе с тем творческие успехи пролетарской буржуазной литературы могли бы быть гораздо более значительными, если бы организации пролетарских писателей — РАПП и ВОАП — не стали тормозом дальнейшего творческого развития нашей литературы.

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля, ликвидировав РАПП и ВОАП, создав единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем, создало все необходимые условия для подлинного расцвета творчества советских и пролетарских писателей, для развернутого творческого соревнования произведений. Прошел год после этого постанов-

ления. Пора подвести первые итоги, сделать первые выводы, чтобы закрепить успехи первого года и не повторять его ошибок. В чем же главный критерий оценки? Чем и как проверить работу литературных организаций, газет, журналов и издательства? Главное и основное для литературных организаций, на чем должна проверяться их работа за истекший год, это как они помогли творческому соревнованию, как они боролись за Магистраль литературы, как руководили творческими процессами, как воспитывали художников слова, «инженеров души». Это — главное, это — решающее, это — основное.

Творческое соревнование — это не дело только узкой группы крупных писателей. Советская литература — движение масс, поэтому творческому соревнованию нужно охватить и массовое литературное движение, литературные кружки на предприятиях, в учреждениях, в колхозах. Ведущие художники не могут стоять в стороне от этого, их творческий опыт должен стать достоянием новых кадров, приходящих в литературу.

Наши журналы и издательства еще не стали мощным оружием в деле соревнования, здесь еще много нужно сделать, чтобы развернуть действительную помощь писателю, организовать тесную связь критика с писателем, чтобы совместная работа была одинаково плодотворной и для критика и для художника. Критика сильно выросла после 23 апреля, и это дает полную уверенность в том, что она будет все более и более справляться со своими задачами.

Выдвинутый лозунг социалистического реализма вооружил советскую литературу на новые творческие победы, ибо это был лозунг глубоко партийный и вместе с тем учитывающий особенности именно художественного творчества, тогда как лозунг диалектико-материалистического творческого метода вулгаризировал материалистическую диалектику. Изобразив правдиво действительность, настоящее и прошлое, советский художник не может не приближаться к познанию пролетариата, ибо он должен будет увидеть, что правда на стороне пролетариата, незрвующего старей мир. Но чтобы увидеть правду действительности во всей ее полноте, нужно ее знать и понимать, поэтому тот художник глубже и художественнее передает мир, который своей талант вооружил теорией пролетариата. Именно поэтому нужно усилить борьбу за чистоту марксистско-ленинской теории в области литературы, в особенности — борьбу с формализмом, являющимся одной из основных форм буржуазного влияния на искусство, тем более опасного, что оно выступает обычно под маской. После 23 апреля был ряд классово враждебных критик. Коммунистическая критика, пролетарские писатели должны быть в первых рядах бойцов за марксистско-ленинизм. Развертывание творческого соревнования должно идти на основе большой творческой работы, без нее соревнование будет стихийным. Лозунг социалистического реализма раскрыт еще в самой общей форме, и ближайшей задачей является его конкретизация. Нужно развертывать критику отдельных произведений и творчества отдельных писателей, со всей глубиной ставя вопросы формы и содержания, сти-

ля и жанра, направления и школы, идеологии и языка. Год — более чем достаточный срок для того, чтобы развернуть творческое соревнование по всем направлениям.

Год работы писателей после 23 апреля со всей силой свидетельствует, что настало время великих дел в литературе СССР. Литература наша стоит перед таким подвигом, которого не было за все время революции. Полным творческим голосом говорят наши художники, смело берущиеся за большие проблемы, упорно работающие над повышением своего художественного мастерства.

В ближайшие годы будут созданы новые значительные произведения социалистического реализма. За это нужно бороться, эти творческие победы нужно организовывать по-боевому, обеспечивая все возможности для творческого развития советских художников. Стране, рабочему классу нужны большие произведения, которые бы отражали нашу жизнь и борьбу с такой же силой, как это делали Шекспир, Бальзак, Гете. Нам нужны произведения не просто «на тему» о колхозе или строительстве, не просто «на тему» о новом быте и т. п., но произведения, в которых действительность наша свое выражение в больших идеях и больших образах, в которых мысли, чувства, страсти строителей социализма звучали бы со всей силой.

Советская литература стоит на пути новых больших побед, новых огромных достижений, перед новыми высотами. Развертывая социалистическое наступление на литературном фронте, отдавая свое творчество победоносной пролетарской революции, борясь с классовым врагом, срывая с него формалистические и иные маски, упорно работая над повышением своего идейно-художественного уровня, связываясь с практикой рабочего класса, строящего социализм, устраняя всякие реиндустриальные и вулгаризаторские, советские и пролетарские писатели создают Магистраль литературы — произведения больших идей и чувств.

ПОДГОТОВКА К ПЕРВОМУ СЪЕЗДУ ССП

Оргкомитет резервует работу по подготовке съезда первого съезда ССП. В числе мероприятий намечается организация выставки «Советская литература за 15 лет». Для проведения республиканских съездов, областных и краевых конференций на места выезжают члены оргкомитета.

Среди литкружков развернется социальное соревнование на образцовую работу и на лучшее художественное произведение. Итоги соревнования будут подведены в период с 1 мая по 20 июня. Лучшие кружки выступят на съезде с отчетом о своей работе. Премии оргкомитету литкружков будет присвоено звание имени первого съезда ССП, и над ним принимается шефство.

Нами получен первый номер журнала «АИЦ», который, после фашистского разгрома всех пролетарских издательств Германии, начал вновь выходить в Праге, под редакцией пролетарского писателя т. Вейскопфа.

ПРОТИВ ФАШИСТСКОГО ВАРВАРСТВА

Английский журнал «Шторм» в своем протесте против национал-фашистского террора в Германии пишет: «Гитлеровский режим в Германии — это торжество кровавых репрессий против евреев как нации, против социалистов всех оттенков и против либеральной интеллигенции. Макс Рейнгардт, Фейхтвангер и Эйштейн находятся в изгнании, остальные брошены в тюрьмы.

В то же время война надвигается в Европе подобно тому, как она уже вспыхнула на Востоке. Международные противоречия растут и обостряются. Трагедия Советского союза становится все более открытой и бесшумной.

Журнал приводит выступление Бернарда Шоу «Советская Россия сегодняшнего дня»:

«Война представляет собой единственный выход из кризиса для капитализма, утратившего свое равновесие. Чтобы подготовиться к войне, нужно беспощадно подавить все формы антиимпериалистического общественного мнения. В этом роль фашизма несомненна! От того, что возглавляет этот фашизм — Гитлер, Муссолини или коалиция Макиндональда-Болдуина...»

«Сейчас, когда фашистский режим жестоко обрушивается с одинаковой силой на рабочих и интеллигенцию, мы должны осознать, насколько ничтожно наше искусство, если оно ограничивается ролью забавы для угнетателей, мы должны стать на

чью-то сторону, и наше место на стороне угнетаемых. Мы должны бороться рука об руку с ними».

Ассоциацией революционных писателей и художников Франции в апреле был устроен вечер, на котором присутствовало свыше 100 человек.

Докладчик — немецкий писатель Рудольф Леонгард и ряд виднейших художников, выступивших в прениях, представили яркую картину варварского разгрома и опустошения культуры фашистскими погромщиками.

В конце вечера Поль Вайян-Курторье прочел несколько страниц из Эгоизма Кюна о его последних днях пребывания в Германии, рисующих страдания, переживаемые рабочим классом, его твердость и волю к борьбе. Единголасно были приняты резолюции. Одна из них адресована германскому союзу фашизма, против гитлеровского антисемитизма, другая адресована Эррио для передачи в Вашингтон против американского фашизма.

Собрание выразило своими почетными представителями Эйштейна и Людвигу Ренна.

Заявляя о разрушении немецкой культуры и гитлеровском терроре, направленном против рабочих и революционной интеллигенции Германии, собрание потребовало немедленного освобождения всех политических заключенных и прекращения преследований.

В ОЗНАМЕНОВАНИЕ ГОДОВЩИНЫ

Годовщину постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля о перестройке литературно-художественных организаций ГИХЛ при содействии Литсефюро профорганизации отмечает приемом шефства над десятью литкружками совхозов, МТС, колхозов.

ГИХЛ обязуется консультировать поступающие рукописи литкружков и продвигать в печать лучшие из них, организовать и выпустить в 1934 году сборник рабочих-авторов, совхозов, МТС, колхозов.

ГИХЛ вызывает издательства: «Советская литература», МТП, Профиздат на соревнование по обслуживанию литкружков и продвижению лучшей их продукции в печать.

Арбитром соревнования ГИХЛ избирает культурно-массовый отдел ВЦСПС и «Литературную газету» при участии представителей современных издательств.

Оргкомитет ССП организует 27 апреля в Большом зале Комкадены торжественное заседание, посвященное годовщине постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций. С докладом об итогах перестройки выступит т. А. Фадеев.

Собрание, посвященное годовщине постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, с докладом т. Накорякова устраивает 27 апреля ГИХЛ. Приглашаются писатели, поэты, критики и работники литиздательства.

Ф. Панферов НАДО ДЕРЗАТЬ

Любая тема, взятая из нашей действительности, является мировой темой. Мы прекрасно знаем, что все революции до пролетарской эпохи, так или иначе подчинили обществу — двигали его вперед, укрепляли частную священную собственность. Наша пролетарская революция ломает на корню не только экономическую структуру, но и быт, традиции, психологию людей, создавая иное отношение к вещи, к обществу... и поэтому любая тема, взятая из нашей действительности, является мировой темой. Отсюда понятно, какие огромные трудности стоят перед писателем.

РАПП за последние годы не понимала именно этих трудностей. Некоторые ее критики теорию оторвали (не говоря уже о том, что сама их теория была зачастую в корне ошибочна) от практики класса, форсировали теорию, как хвастуны новыми сапогами, чем и вводили писателя от жгучих вопросов класса в область словесной акробатики, пустозвонства — риторики, заставляя его кидаться в прошлое, позвать на колени перед Флобером, перед Толстым, отбрасывая такого могучего писателя пролетариата, как М. Горький. Некоторые теоретики РАПП не понимали того, что писатель не сможет овладеть (будь он расталантливый) современной темой, поднять ее на бытовую высоту, ежели он собственными руками не прощупает нашу действительность, ежели он сам не вярится в котле пролетарской революции.

Ясно, конечно, нельзя прощупать жизнь собственными руками, не изучая теории. Писатель не может сказать правду, ежели он сидит в кабинете и «творит», основываясь на лозунгах «живого» человека, «срывание всех и всяческих масок». Некоторые теоретики РАПП даже придумали ярлычок для тех, кто звал к жизни: они называли их эмпириками.

Центральный комитет партии устал от трудности, с которыми приходится сталкиваться современному писателю и создал все усло-

вия для овладения мировой темой. Не знаю, был ли такой плодотворный год в советской литературе, как прошедший. Мы знаем, каждый серьезный писатель упорно работал над своим произведением, работал и теперь, и надо поздравить, педагога того времени, когда мы сможем дать пролетарскому строю блестящих произведений.

Центральный комитет партии выбрал в некоторых ретивых кнут, с которым они носились по литературным улицам и хвастали по ушам всякого, несогласного с ними.

Все ли предоставленное нам исползовали мы? Еще нет! Мы еще слишком медленно расквашиваемся. Мы еще слишком мало работаем над собой, над молодыми, подрастающими кадрами. Мы еще слишком много ташим старого хлама в литературу, в литературный быт. Меня, например, удивляет то, что за последние время слишком назойливо стали говорить о скромности. Настоящая скромность, конечно, великое дело. Но ведь мы знаем дитячо-человеческую, кричащую о скромности, часто сдвигая скромность скрывать похвалу самому себе: «вот-де я какой скромный...» и писателем молодежь, заставляем ее скромничать, ходить, опустив плечи, прибито, нищенствующе... Наоборот, никогда не овладеешь мировой темой, ежели не будешь дерзать. Дерзать надо!

Надо быть уверенным в своих силах, в том, что только мы имеем сказать мировое слово, создать подлинную, великую художественную литературу, ибо мы классически воспитаны, мы живем с миллионами, шагающими вперед твердой поступью...

Дерзать — это не значит кичиться нахальством, пустозвонством, кощавством, тем, что писатель «особая птица». Дерзать — значит упорно работать над собой, болев идеями класса в высокохудожественной форме, отражать дела класса, в меру своих сил помогать классу отыскивать новые методы борьбы. — Берншир, — так говорил М. Горький.

ТВОРЧЕСКИЙ ГОД ВС. ИВАНОВА

Истекший год работы Вс. Иванова, несмотря на то, что писатель на несколько месяцев выезжал за границу, оказался весьма творчески продуктивным для него. В течение этого года писатель работал над большими художественными произведениями.

Главной своей работой Вс. Иванов считает задуманный им давно, чуть ли не в самом начале литературной деятельности, но начатый только в этом году, монографический роман. Вс. Иванов предполагает его закончить в июле. Большой (в 30—35 печатных листов) роман охватывает период времени с 1913 по 1918 год, заканчиваясь эпохой чехословацкого переворота в Сибири.

В беседе по поводу этого романа Вс. Иванов сказал нам: — После того, как я так много выдумывал о себе, в этой книге я хочу рассказать настоящую, биографическую правду. На фоне монографических записок и воспоминаний я дам в книге портреты значительных людей, которых встречал в своей жизни и которые оказали на нее большое влияние. Это — люди, стоящие на различных ступенях социальной лестницы; и каждый из них последовательно оставил отпечаток на социальном образе героя моей будущей книги.

Этот формализм прорывается и сейчас. Увеличение и погоня за возможно лучшей литературной формой не всегда органичной для автора обкрадывает идею, выхолощивает мысль. Предполагаемое владение формы обращается порой против автора, разрушая его подлинность формы. От этого мне необходимо избавиться.

«Монография», кончающаяся на 1918 году, представляет собой законченный цикл биографических собитий.

В истекшем году Вс. Иванов написал новую четырехактную пьесу «Библиотекарь Даудов».

Давно начатый Вс. Ивановым роман «У» также закончен в этом году. Он должен был уже выйти в издательстве «Советская литература», но он не слал автором; законченный в основном, он в доброй своей половине будет наово перерабатываться. Вот что произошло: первоначальный замысел Вс. Иванова — дать в романе галерею только отрицательных типов — привел к тому, что по окончании роман автора не удовлетворил. В книгу будут введены новые ситуации, пути, которых героев будут изменены.

ОРГКОМИТЕТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПРАВДА 24 апреля 1933 года. Орган Центр. Ком. и Моск. Ком. ВКП(б). Директору завода ПУДАЛОВУ. О перестройке литературно-художественных организаций.

ФИЛОЛЕТОВЫЙ СМЕХ (С УПОМИНАНИЕМ ФИЛОДОСОВ И АНТИДОСОВ, ПРОБЛЕМЫ ВАННЫ И РЕБЕНКА, ФЛАНГА НА САМОТЕКЕ, МНОГИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ВАЖНЫХ ЯВЛЕНИИ)

Интеллектуальное возбуждение, охватившее значительную часть писателей...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Надо сильно буре море взволновать, чтобы оно в бореньи выросло...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Евгений Петров

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Г. Васильевский

«Духовный» возмущение, охватившее значительную часть писателей...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

Именно так и было. Иди, как говорится, всегда клянище «Титаны»...

БРАТЕРСЬКИЙ ПРИВІТ ЛІТЕРАТУРІ УСР!

М. Кулик

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ БДИТЕЛЬНОСТЬ

Замалчування не завжди найкраща тактика, коли потрібно, щоб про це стало (і цього треба політично) відвертати увагу трудящих зарубіжних країн...

Ібо факти — не тільки упрямая вещь. Они еще и красноречивы и отличаются способностью говорить сами за себя, если их стараются замалчивать. И вот после длительного молчания польские фашисты и их лакеи из петлюровской эмиграции и ундо-фашистских западно-украинских клоак...

Первыми подали знак «хозяева». Правда, проложивши устами украинского фашистского поэта Евгеньюшка (так он и подписался под статьей) Маланюка. Его статья «Украинская поэзия последнего времени» появилась в польской газете «Видомосци литарски» от 15 января...

Но усиленное внимание фашистской печати к украинской советской литературе именно за последнее время наводит на мысль, что тут новые причины «любопытства». Что-то, очевидно, открыло желто-благитную эмигрантину в борьбе за кадры внутри УССР именно за последнее время. Это «что-то» станет для нас более ясным, если мы учтем, что Маланюк и Котвич в своих статьях тщательно упоминают о каждой ошибке в национальном вопросе, допущенной тем или иным писателем за все годы революции...

После попытки полного отрицания творческого роста украинской советской литературы у каждого из поименованных авторов вырываются неожиданные признания. У Маланюка: «Украинская поэзия... выросла до степени органической составной части украинской культуры и достигла высокого технического совершенства... что свидетельствует о ее значительном развитии».

У Котвича: «...творится, растет и крепнет украинская литература». Правда, эти признания с трудом протискиваются сквозь груды ложности и инсинуаций, но, очевидно, на этот раз невозможно было без них обойтись.

Где же тут логика? Впрочем, можно ли требовать хотя бы за волосы притянутой логики от фашистских подпевал, когда они принимают писать о какой бы то ни было стороне социалистического строительства. Но слишком красноречивы факты могучего роста советской украинской литературы особенно за последний год после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, после перестройки, открывшей перед каждым советским писателем новые яркие горизонты, слишком чувствуется рост успехов за пределами нашей социалистической страны, в первую очередь Западной Украины, приданной сапогом шляхетского своеволия, чтобы можно было и дальше фашистам позволять себе полное его игнорирование и замалчивание.

Напрасно фашистские подпевалы, чувствуя, как все более тает тот круг писателей, на которых они могли возлагать надежды как на выразителей национального дела, упорно продолжают предаваться мнимому несведению, будто им неизвестно об эволюции, которая произошла среди этих писателей, продолжая называть их «эмигрантами», надеясь кое-кого опять привлечь на свою сторону. Это ожесточенная борьба за кадры, попытка их гальванизировать, оживлять пытливыми надеждами на интеллигентную, на антисоветские настроения, на реставрацию капитализма под желто-голубым флагом, на превращение УССР в колонию, западных империалистов...

Иногда фашистские подпевалы, чувствуя, как все более тает тот круг писателей, на которых они могли возлагать надежды как на выразителей национального дела, упорно продолжают предаваться мнимому несведению, будто им неизвестно об эволюции, которая произошла среди этих писателей, продолжая называть их «эмигрантами», надеясь кое-кого опять привлечь на свою сторону. Это ожесточенная борьба за кадры, попытка их гальванизировать, оживлять пытливыми надеждами на интеллигентную, на антисоветские настроения, на реставрацию капитализма под желто-голубым флагом, на превращение УССР в колонию, западных империалистов...

Иногда фашистские подпевалы, чувствуя, как все более тает тот круг писателей, на которых они могли возлагать надежды как на выразителей национального дела, упорно продолжают предаваться мнимому несведению, будто им неизвестно об эволюции, которая произошла среди этих писателей, продолжая называть их «эмигрантами», надеясь кое-кого опять привлечь на свою сторону. Это ожесточенная борьба за кадры, попытка их гальванизировать, оживлять пытливыми надеждами на интеллигентную, на антисоветские настроения, на реставрацию капитализма под желто-голубым флагом, на превращение УССР в колонию, западных империалистов...

Иногда фашистские подпевалы, чувствуя, как все более тает тот круг писателей, на которых они могли возлагать надежды как на выразителей национального дела, упорно продолжают предаваться мнимому несведению, будто им неизвестно об эволюции, которая произошла среди этих писателей, продолжая называть их «эмигрантами», надеясь кое-кого опять привлечь на свою сторону. Это ожесточенная борьба за кадры, попытка их гальванизировать, оживлять пытливыми надеждами на интеллигентную, на антисоветские настроения, на реставрацию капитализма под желто-голубым флагом, на превращение УССР в колонию, западных империалистов...

известной мере на состоянии культурного фронта, в частности литературного. Ведь значительная часть кадров украинской советской литературы вышла из села и если не всегда сохраняла непосредственные связи с селом, то все же чувствует на себе, на своей психике — влияния тех процессов, какие на селе совершаются. Ошибки, допущенные нами в практике единственно верной ленинской национальной политики, в первую очередь в проведении хлебозаготовок 1932 года, вызвали снижение уровня партийной работы и вместе с тем и массовой партийно-воспитательной, идеологической.

Оживление активности буржуазно-националистических элементов, известных украинцев, усиление их влияния на неуспокоенных писателей получили также свое отражение и на фронте художественной литературы. Ряд иллюстраций этого положения был приведен на последнем расширенном пленуме оргкомитета союза советских писателей УССР. Мы не намерены всех их повторять, но некоторые из них припомнить не мешает.

Один из ярких фактов — это письмо Тодоса Осмачка, открытая, ничем не завуалированная вылазка буржуазно-шовинистического писателя, бросающего циничный вызов советской литературе и национальной политике нашей партии. Осмачка не скрывает, что он выступает от имени кулака, он говорит, что политика ликвидации кулака как класса лишает «недобитков» этого класса возможности говорить за себя так, как им бы этого хотелось — «в полный голос».

«Хотя те крестьянские круги («верства»), которые пустили меня в свет, обязывают меня намернуть о моем происхождении, я все же этого не делаю», — начинал свое письмо Осмачка. — Но то, что они обязывают меня развернуть поэтический удар во всю ширь и в полный голос высказаться, то чего они не умеют, — об этом я намекаю и говорю».

Что же именно обязывает «высказаться» Осмачку его кулацкий среда? Прежде всего она поручает ему протестовать против самого факта существования диктатуры пролетариата на Украине и в союзе с законными фашистами обязывает его бороться за «разбег» социально-национальных украинский

стремлений, т. е. за... петлюровско-гетманские шопила и виселицы. «Свободно творить не могу», — жаждает Осмачка.

Действительно, «свободно творить» (Осмачка) у нас при диктатуре пролетариата и в период ликвидации кулачества как класса не очень-то возможно. Поэтому Осмачка и «не соглашается» с провозимой коммунистической партией ленинской национальной политикой.

Он предпочел бы жить в какой-нибудь более удобной для него стране, скажем, в Галиции или в Канаде.

Ну, конечно, там ему будет свободнее, так как не только в Галиции разнузданы фашисты, закрякут последние украинские школы, но и в свободном заокеанском доминионе свободолюбивой Англии, в Канаде, запрещено даже преподавать в школах и выступать публично на украинском языке. «Национальный флаг» Осмачки тут служит лишь для прикрытия кулацкой идеологии.

Но дело не в одном только Осмачке. Разве в Одессе не было попытки под маркой «творческой группы писателей-маринистов Черноморья» организовать по сути политическую группу с ориентацией на петлюровскую идеологию?

А наряду с этим в той же Одессе ведь до недавнего времени существовала окрашенная в розовый цвет великодержавный шовинистский «оживительский» обществ. оргкомитет писателей (уже не были ли это остатки той организации, на которую ссылался В. Шкловский, обосновывая свою вреднейшую теорию «западничества»?).

В альманахе «РУХ», выпущенном к пятнадцатой годовщине Октября, напечатан рассказ Валерьяна Полищука «Орден зеленого святака». Помимо ряда ошибочных и вреднейших идей и идеок в этом рассказе больше всего останавливают внимание ярко подчеркнутые шовинистические его тенденции.

Начать хотя бы с того, что действие происходит в той части Украины, которая своим краем прилегает к Черному морю и упирается в первые кавказские барьеры, т. е. в Украине автор причисляет и Северный Кавказ, Кубань, выступая, таким образом, в роли раздателя буржуазно-шовинистических элементов, которые готовы были бы к Украине присоединить Кубань, Крым, ЦЧО, а то, пожалуй, и Дальний Восток и Казахстан.

Герой рассказа Заболотский, которому ясно сочувствует автор, возмущен притеснениями и бесчестными благовардскими. Но ничего общего с классовым возмущением пролетариата Северного Кавказа, борющегося за советскую власть, эти чувства героя не имеют. И уже от своего, а не Заболотского имени автор так раскрывает причины этого возмущения:

«Движение за создание украинской независимой Кубани денкинской жескою подавляла виселицами. Повешен в Краснодаре атаман Кабабухов, единственный в Париже добивавшийся хотя бы автономии Кубани. Все это сразу вдруг ринулось в голову Заболотского и переполнило его разражающими болющими востриками» (стр. 114).

И если Заболотский с грустью говорит и эта пушка стреляет против будущего, то под этим «будущим» приходится подразумевать именно «движение за независимую украинскую Кубань» (стр. 115).

Таким путем В. Полищука идеология смыкается с апологетами кулацкой «украинизации» на Северном Кавказе.

Этот факт тем более характерен, что рассказ «Орден» написан В. Полищуком, в последнее время, после положительного в общем произведения «Книга угля и металла», которая, как будто говорила о начавшейся перестройке В. Полищука. Все это свидетельствует о том, что увлекаться первыми шагами перестройки писателя, полагаются в этом деле на самодет — значит не учитывать ожесточенной классовой борьбы в литературе, и за литературу, за ее квалифицированные творческие кадры.

Нельзя было бы предположить, что писатели со всем идейным багажом, накопленным в течение ряда лет пребывания под влиянием классово враждебной идеологии, хотя бы они даже искренно того хотели, смогут сразу покончить счеты с прошлым. Прошлое тяготеет над такими писателями, и без внимательной активной помощи коммунистов-писателей и всей пролетарской литературы им слишком трудно самим порвать все нити, с этим прошлым их связывающие.

Не всегда и не все писатели и работники литературных органов — коммунисты проявляли большевистскую бдительность и решительность в борьбе с проявлениями шовинизма и воспитательным образом влияли на беспартийных писателей. Имели место случаи, когда некоторые коммунисты сами подавали влияние классово враждебных элементов, становились их рупором. Так случилось с бывшей редакторской радиогруппы «Харківский пролетар», которая допустила обязательные выпады против советской и в первую очередь против пролетарской литературы (в номере от 5 января 1932 года); обозначились также и шовинистические влияния в попытке взять под защиту от большевистской критики драматические произведения с националистическими ошибками.

Недостаточность необходимой большевистской бдительности проявлялась и некоторыми коммунистами — работниками Всеукраинского комитета над надлежащим отношением к реакционному выступлению К. Буровия (на всеукраинском драматургическом совещании декларированном лозунг «Назад, к Кропивиному!» — лозунг безусловно продуктивный в отношении националистического порядка).

Едва ли не наиболее ярким примером утраты коммунистами большевистской бдительности может служить изданная в Киеве к пленуму оргкомитета УССР «Однодневка «Литературный Киев». Коммунисты, подписавшие одобрившие постановления в этой односторонне антипартийной, клеветнической материале, принахаживая в них местах перепада петлюровщины, совершили возмутительный антипартийный поступок. Незамедлительно и резко реагирование бюро фракции ОК и пленума послужили причиной того, что один из виновников этого позорного издания Т. Иван Ле выступил на пленуме с признанием и открытой критикой газеты в целом и своих собственных ошибок в частности, которые он затем так же признал на собрании фракции киевских советских писателей.

Отсюда наша первоочередная задача — заботиться о воспитании своих, действительно большевистских кадров на всех участках национально-культурного строительства, во всем и в первую очередь на видном участке работы, как художественная литература.

Больше внимания пролетариату, призванному в литературу, комсомольским писателям, коммунистам — начинающим писателям, из которых прежде всего должны быть выращены, вытеснены все враждебные, кулацкие, шовинистические элементы, пролезшие вследствие недостаточности с нашей стороны бдительности на отдельные участки нашей работы!

Больше революционной бдительности, этого необходимого, по выражению Т. Сталина, качества большевиков. Не отвлекать наше внимание ни одной ошибкой, ни одного ошибочного положения, в частности в трактовке национального вопроса!

И если главной опасностью является великодержавный шовинизм, то не следует забывать и о том, что особенно актуальное значение приобретает теперь в некоторых районах и участках шовинизм местный. Поэтому на два фронта — против всяческих проявлений всякого шовинизма должны вести мы большевистскую борьбу.

Значительными пьесами последних двух сезонов украинской советской драматургии следует считать «Лялдары» Мирослава Ирчана и «Девушки нашей страны» Ивана Микитенко.

«Лялдары» М. Ирчана на материале действительности 1930 года показывает Западной Украине (Галицию) в ее системе подавления вооруженной силой малых народов рабочих и крестьян поднять свой голос против социального и национального гнета.

Композиционно «Лялдары» отличаются от общепринятых драматургических канон. Вся пьеса составлена из фрагментов, объединенных только темой и идеей, но не сюжетом. Иногда это не позволяет драматургу полно изобразить характеры, нарушает стройность и драматургическую цельность, но большое мастерство, эмоциональная насыщенность и идейная цельность поднимают пьесу на высоту темы — показа героических усилий партии, комсомола, рабочих и крестьян Галиции в борьбе за превращение своей страны из пьесы будущей войны и интереснейшим образом показывает социалистическую революцию.

К недостаткам пьесы следует отнести ее совсем четкую разграниченность политических оттенков во враждебном лагере, который показан Ирчаном «сплошником», без учета той внутренней дифференциации, которая присуща современной польской Польше.

Все же, несмотря на эти, довольно заметные недостатки, «Лялдары» — одна из первых художественно-полноценных пьес на оборонную тематику в украинской драматургии.

Большим театральным событием УССР является последняя — написанная к 15-летию Октября — пьеса Ивана Микитенко «Девушки нашей страны».

Рисуя комсомол в конкретной обстановке такого крупнейшего строительства, как Днепрострой, Микитенко показывает наряду с героическим энтузиазмом, борьбу и победы комсомольско-ударников роста новой технической интеллигенции из недр рабочего класса и колхозного крестьянства, рост нового специалиста-строителя.

Ценность пьесы Микитенко в том, что она по-новому ставит и разрешает ряд сложнейших вопросов новой этики, новой морали, связанных с воспитанием нового человека.

Написанная легко и просто и построенная на удачных ходах и ситуациях комедийного характера, с ярко обрисованными персонажами (Пронашка, Шметляк, Паниха и др.), насыщенная живым действием, пьеса «Девушки нашей страны» стала одной из любимых пьес пролетарского зрителя в текущем сезоне.

Имеет, однако, и эта пьеса свои недостатки. Так, один из центральных женских образов — Маша — выглядит «слишком выдержанным»; идеологическая прямолинейность, тенденция к морализаторству, отсутствие малейших ошибок и промахов этой молодой героини делают ее «иконной подобной».

Но пьеса по своей идейной устремленности и художественной отделке основных и многих эпизодических персонажей («Крановик Сторый», таксажник Волыняк) является, безусловно, крупным достижением украинской советской драматургии.

«Рождается город» О. Копыленка — в числе новинки украинской советской литературы видное место занимает новый роман Олександра Копыленка «Рождается город» («Народжується місто»).

Тема романа — борьба коллектива рабочих-строителей за ударное окончание нового социалистического города и — в неразрывной связи с этим — показ новых взаимоотношений между людьми и формирования новой психики пролетарского молодежи.

Один из центральных персонажей романа — молодой инженер коммунист Никита Павлюк. Он, выросший в тесноте и грязи, оставшийся в наследие от патриарха «свободолюбивого», мечтает, чтобы новые города вырастали каждый час, каждый месяц. Он «ненавидит черную невинность тех, кто этому мешает». Борьба за осуществление этой мечты составляет содержание жизни и борьбы Павлюка. Напряженная борьба рабочего коллектива под руководством Павлюка и секретаря партколлектива Нежмака за выполнение в срок плана стройки против классовых врагов, пробирающихся на производство, и оппортунистов захватывать читателя, звучит правдиво и убедительно.

В общем же роман — ценное произведение и знаменует новый, значительный этап роста О. Копыленка.

Две пьесы

Значительными пьесами последних двух сезонов украинской советской драматургии следует считать «Лялдары» Мирослава Ирчана и «Девушки нашей страны» Ивана Микитенко.

«Лялдары» М. Ирчана на материале действительности 1930 года показывает Западной Украине (Галицию) в ее системе подавления вооруженной силой малых народов рабочих и крестьян поднять свой голос против социального и национального гнета.

Композиционно «Лялдары» отличаются от общепринятых драматургических канон. Вся пьеса составлена из фрагментов, объединенных только темой и идеей, но не сюжетом. Иногда это не позволяет драматургу полно изобразить характеры, нарушает стройность и драматургическую цельность, но большое мастерство, эмоциональная насыщенность и идейная цельность поднимают пьесу на высоту темы — показа героических усилий партии, комсомола, рабочих и крестьян Галиции в борьбе за превращение своей страны из пьесы будущей войны и интереснейшим образом показывает социалистическую революцию.

К недостаткам пьесы следует отнести ее совсем четкую разграниченность политических оттенков во враждебном лагере, который показан Ирчаном «сплошником», без учета той внутренней дифференциации, которая присуща современной польской Польше.

Все же, несмотря на эти, довольно заметные недостатки, «Лялдары» — одна из первых художественно-полноценных пьес на оборонную тематику в украинской драматургии.

Большим театральным событием УССР является последняя — написанная к 15-летию Октября — пьеса Ивана Микитенко «Девушки нашей страны».

Рисуя комсомол в конкретной обстановке такого крупнейшего строительства, как Днепрострой, Микитенко показывает наряду с героическим энтузиазмом, борьбу и победы комсомольско-ударников роста новой технической интеллигенции из недр рабочего класса и колхозного крестьянства, рост нового специалиста-строителя.

Ценность пьесы Микитенко в том, что она по-новому ставит и разрешает ряд сложнейших вопросов новой этики, новой морали, связанных с воспитанием нового человека.

Написанная легко и просто и построенная на удачных ходах и ситуациях комедийного характера, с ярко обрисованными персонажами (Пронашка, Шметляк, Паниха и др.), насыщенная живым действием, пьеса «Девушки нашей страны» стала одной из любимых пьес пролетарского зрителя в текущем сезоне.

Имеет, однако, и эта пьеса свои недостатки. Так, один из центральных женских образов — Маша — выглядит «слишком выдержанным»; идеологическая прямолинейность, тенденция к морализаторству, отсутствие малейших ошибок и промахов этой молодой героини делают ее «иконной подобной».

Но пьеса по своей идейной устремленности и художественной отделке основных и многих эпизодических персонажей («Крановик Сторый», таксажник Волыняк) является, безусловно, крупным достижением украинской советской драматургии.

«Рождается город» О. Копыленка — в числе новинки украинской советской литературы видное место занимает новый роман Олександра Копыленка «Рождается город» («Народжується місто»).

Тема романа — борьба коллектива рабочих-строителей за ударное окончание нового социалистического города и — в неразрывной связи с этим — показ новых взаимоотношений между людьми и формирования новой психики пролетарского молодежи.

Один из центральных персонажей романа — молодой инженер коммунист Никита Павлюк. Он, выросший в тесноте и грязи, оставшийся в наследие от патриарха «свободолюбивого», мечтает, чтобы новые города вырастали каждый час, каждый месяц. Он «ненавидит черную невинность тех, кто этому мешает». Борьба за осуществление этой мечты составляет содержание жизни и борьбы Павлюка. Напряженная борьба рабочего коллектива под руководством Павлюка и секретаря партколлектива Нежмака за выполнение в срок плана стройки против классовых врагов, пробирающихся на производство, и оппортунистов захватывать читателя, звучит правдиво и убедительно.

В общем же роман — ценное произведение и знаменует новый, значительный этап роста О. Копыленка.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

ПІСЛЯМОВА ПРО ДОСТОЄВЬСЬКОГО, ПРО ГАМЛЕТА І ДВІЙНИКА.

На башні надземні ховається, Гамлете. Ви перенісь у кут, ви не сунете зпідля. Роззявляни справжені теперішніх драм не тє, Де звини в руки ламать і стогнати. Бо снайпері чорні — залага у башті У башті і кости слонової рим. І римі уміють стріляти. І зважте — На кого стріляють і б'ються із ким. Старі контррозвідники і чисті поетки Вкупі в святих христіанських подлах Вивчають скорочені курси естетики Погромні Петлюри і кар Колчака. *Схопіть же за горло, як вбивцю, залуптаність Гуманних, як зрада, й затрусив слів. Еднина велика і справжня є люд яність —

Лєніська людяність людських бєв. Між новим і старим — не лагати мости. На два стани розпався вік. Вмирай, чорний Гамлете, принце лжливости, Щоб в бою народився чоловік. На місцє в бою своє не набрести, А твердо прийти і стати. І кляса навчить і любови й зневажноти, І кляса навчить зростає представитєля Щє стане в лаві, де кожен робочий, Де кожен засмаганий в бою рудокоп. Навчить вас дивитись вору в очі. Навчить вас застрєлити вору в лоб.

О ЧЕТЫРЕХ РОМАНАХ

«ПЕТРО РОМЕН» ГРИГОРИЯ ЕПИКА

На титульной странице книги — строго подравненные строки курсива: «Роман написан в порядке соревнования с М. Хвильевым на призы ленинского комсомола — создать положительный образ молодого рабочего. Арбитры — ЦО ЛКСМУ, «Комсомолец Украины» и издательство «Молодой большевик».

Роман Григория Епика «Петро Ромен» 40000-м тиражом вышел из печати. Десятки диспутов и сотни писем читателей к издательству и автору выразительно говорят живейший интерес, с которым встречен роман.

Главные герои романа — молодой инженер Петро Ромен и работница комсомолка Майя Снежок — руководитель и активнейшие участники борьбы за ликвидацию прорыва на заводе. Эта сюжетная линия — борьба с прорывом — является основой романа и исходной позицией для показа ряда типов, представителей различных социальных прослоек на заводе, и всего рабочего коллектива. Разрешается она вполне правильно, в выдержанно партийном духе.

С этой основной линией органически переплетается линия взаимоотношений Петра и Майи, показ нарастающего, высшего качества человеческих чувств и взаимоотношений, в которых растворяется глухая грань между общественными и личными и выковывается цельная, гармоничная натура нового человека — героя социалистического труда.

Отмечая в общем успешную работу автора в этом направлении, тут же замечаем, что в отдельных местах романа пропущены иногда заметная схематичность этого действительно животрепещущего и интереснейшего вопроса.

«НОВЫЕ БЕРЕГА» ГОРДИЯ КОЦЮБЫ

Строго реалистически, последовательно разворачивает Гордий Коцюба картину гигантской стройки Днепрострой, делая главное ударение на величайшем и многостороннем смысле строительства.

Два вопроса интересуют писателя в первую очередь: значение и место Днепростроя как одной из важнейших составных частей общего плана и общего процесса социалистической стройки в нашей стране и значение Днепростроя как гигантской кузницы, в которой перековывается и вырастает психика и сознание десятков тысяч людей, строителей.

Крестьянин-бедняк Канушевич приходит на Днепрострой, мечтая «на лошадку заработать», чтобы поправить свое неурное хозяйство. Однако мощный процесс строительства вскоре захватывает его целиком. Под влиянием окружения, попав в сферу разносторонней политико-культурной воспитательной работы, он шаг за шагом переходит на новые позиции, становится активнейшим, сознательным участником строительства, воспринимая своим делом.

Этот процесс в особенности ускоряется, когда Канушевич после ряда близко касающихся его случаев осмысливает общую линию и новые формы борьбы искони знакомого классового врага — кулака, который перенесся было на строительство и на некоторое время сумел даже подчинить Канушевича своему влиянию.

Стройка переделывает не только Канушевича. Один из руководителей Днепростроя — инженер, Луганский — в начале работ всецело подкреплял, что он «только спец», только исполнительный служащий. Инженер обманывал себя. Ибо очень скоро, как только на его участок надвинулись первые производственные опасности, он почувствовал, как близко и дорого

ему дело строительства. Мощный поток социалистического соревнования, втянувший и Луганского, заставил его окончательно пересмотреть свои взгляды. К концу книги он становится единомышленником своего ближайшего помощника — инженера-энтузиаста Флора Кудрявца, к которой так скептически он относился в начале работ.

На фоне таких событий особенно жалкими и вычужденными выглядят попытки «кулацких» ингибиторов буржуазно-шовинистических «теоретиков», пытающихся противопоставить Днепровскому строительству заповорочную люльку как квинтэссенцию «исторической» национальной культуры (историк Кудрявец).

Во всей книге — от общего замысла и сюжетной структуры до малейшей художественной детали — чувствуется последовательная партийная целенаправленность автора, и в этом важнейшая заслуга Коцюбы.

Можно упомянуть писателя, что книга слишком «сплошная» (сюжетное напряжение чувствуется только к концу), что отдельные детали слишком подробно разработаны и иногда больше чем следует комментируются авторскими ремарками. Недостаточна также освещена роль руководящих организаций (хотя на трактовку процессов, отраженных в книге, как явлений стихийных, автор не сбивается нигде).

«МАТЬ» А. ГОЛОВКА

Андрій Головка, широко известный читателю как автор повести «Буря», книги о классовой борьбе в деревне периода первых лет независимости, давно уже работает над большим романом — трилогией «Три сына», который должен показать революцию 1917 года, роль и поведение различных социальных и политических групп в Октябрьский дни и т. д. Для наиболее глубокого и полного изучения и художественного показа этих событий писатель, естественно, должен был обратиться к истокам революционной борьбы трудящихся города и деревни с капиталистами, помещиками и

кулаками и в частности к революционным событиям 1905 года. Так возник пролог к эпосе «Три сына» — роман «Мать».

А. Головка в своем романе наряду с новыми героями выводит почти всех главных персонажей «Мать погнала». Он как бы показывает, как же людей с новой стороны и в гораздо более полном окружении.

В романе Андрия Головка дерзновенно беднота под руководством революционных представителей большевиков и созданного ею революционного комитета снова решительно берет инициативу в свои руки, организует и проводит активное вооруженное сопротивление карательным отрядам. И даже после победы реакции революционная идея продолжает жить, как в лице ушедших в подполье или арестованных революционеров, так и среди придневных новой тяжестью деревенской бедноты (в частности ее уверенно несет и вдова Катря, мать трех сыновей). Эта идея начинает нарастать с новой силой среди подрастающего поколения батраков и бедноты (третий сын Катри батракузец Артем).

Художник Савва Дорощенко и позднее его сын Юрко, второй сын Катри, выступают в романе как представители буржуазно-националистической интеллигенции, которая в начале революции пыталась, прикрываясь квазиреволюционной фразой, повести массы за собой против своего конкурента — русской буржуазии и царизма; это, однако, не помешало ей решительно переключиться на сторону реакции, когда нарастающая волна революционных событий затронула ее классовые интересы.

После жаркой полемической схватки двух братьев Артема и Юрка, когда малорамотный кузнец Артем, мечтающий уйти на службу (в конце романа он, прогнавший с работы в имение, сел пельдюшечника и ушел-таки на шахты), наголову разбивает доводы своего «кулацкого» брата.

С неповторимым мастерством вывел А. Головка ряд ярких фигур, представителей революционной деревни. Такими являются муж Катри — кузнец Юхым, малоразговорчивый, но последовательный до конца, убежденный руководитель восстановления, убитый казаками; непримиримый бунтарь, Прокофий Некипелый, призывающий немедленно

«экономим счесть и место то, где они стояли, в колесо вспахать», «вымести паука из угла вместе с паутиной», — анархист, организатор разгрома имения, который для себя лично из этого разгрома принес... опасного гусака». Марко Цыгуля рабочий, убежденный революционер, один из первых бросивших семь мятежа; вдова Катря, приданная тяжестью безземельной бедноты и неустойного труда и, однако, не успокоившись с невиданным упорством и ожесточением борется, чтобы вырастить своих троих сыновей, и многие другие.

Особого внимания заслуживает прекрасный, живой, тщательно отточенный язык романа — настоящая речь деревенской бедноты.

Как по своей идейной правдивости и цельности, так и по художественной убедительности, по высокому мастерству, к которому чувствуется в каждой детали романа, новая книга А. Головка заслуживает самого широкого внимания читателей.

«РОЖДАЕТСЯ ГОРОД» О. КОПЫЛЕНКА

В числе новинки украинской советской литературы видное место занимает новый роман Олександра Копыленка «Рождается город» («Народжується місто»).

Тема романа — борьба коллектива рабочих-строителей за ударное окончание нового социалистического города и — в неразрывной связи с этим — показ новых взаимоотношений между людьми и формирования новой психики пролетарского молодежи.

Один из центральных персонажей романа — молодой инженер коммунист Никита Павлюк. Он, выросший в тесноте и грязи, оставшийся в наследие от патриарха «свободолюбивого», мечтает, чтобы новые города вырастали каждый час, каждый месяц. Он «ненавидит черную невинность тех, кто этому мешает». Борьба за осуществление этой мечты составляет содержание жизни и борьбы Павлюка. Напряженная борьба рабочего коллектива под руководством Павлюка и секретаря партколлектива Нежмака за выполнение в срок плана стройки против классовых врагов, пробирающихся на производство, и оппортунистов захватывать читателя, звучит правдиво и убедительно.

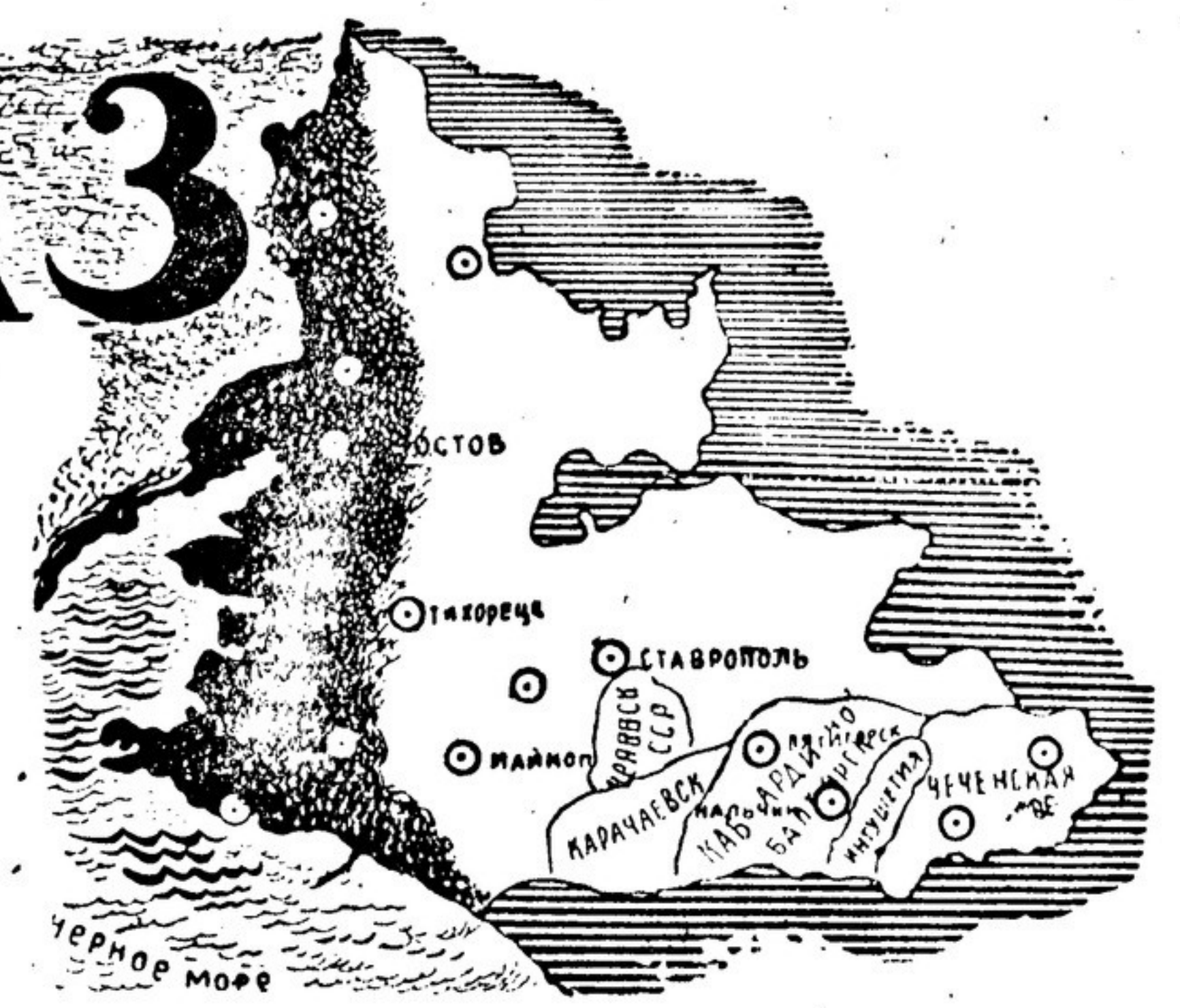

Сверху вниз: О. КОПЫЛЕНКО, Г. КОЦЮБ, П. РОМЕН

Лучше всего удался Копыленко показ работы комсомольского ударного батальона, в частности момент борьбы двух комсомольцев-штукатуров Вани и Марии за рекордные цитовские нормы.

Вторая идейная линия романа, которая

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

ШИРЕ РАЗВЕРНУТЬ РАБОТУ УСИЛИТЬ ТЕМПЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

творческие вопросы, поменьше уделялось чисто организационным делам, больше занималось массовым литературным движением и на деле помогало бы росту национальных литератур.

Литературные организации Сев. Кавказа еще не научились с большей ясностью и настойчивостью ставить вопросы литературной политики, они не всегда проявляли необходимую классовую бдительность в литературе.

Многие писатели проявляют «этикетизм до истерии», когда встречается необходимость показать достижения, порою незначительные и нередко чисто внешние, и замалчивают действительные недостатки; имеются репрессивные администрирования, зажима самокритики, барского отношения к молодым начинающим писателям.

В Северо-кавказском крае творчески еще недостаточно мобилизованы крупнейшие литературные резервы: молотки фабрик, заводов, колхозов и совхозов, в том числе и индустриальных гигантов: по-настоящему не развернута творческая литературная учеба, о чем весьма красноречиво свидетельствуют неоднократные заявления литературной группы «Ростсельмаш». Крайне слабо налажено руководство национальными литературами края.

В ряде опубликованных произведений северо-кавказских писателей имеются политические срывы («О большевизме» поэта Каца; «Автобиографическая поэма» Ашота Гарнакьяна, «Тяжелый поход» Крумина, «25-тысячник» Медведова, «Зажиточный казачий напев» в произведениях Шумского и т. д.). Эти срывы объясняются тем, что на Северном Кавказе писательские партийные силы еще недостаточно сплочены.

Первый секретарь партийной организации тов. Б. П. Шейбладзе на пленуме крайкома партии показал, как велика сила подлинного революционного художественного произведения (речь шла о «Поднятой целине» Шолохова). Тов. Шейбладзе показал, какую огромную роль в классовой борьбе играет художественная литература.

Это утверждение тов. Шейбладзе имело исключительное значение для всего литературного движения на Сев. Кавказе, в частности, оно содействовало постановке перед литературными организациями задачи усиления внимания к процессам перестройки деревни, к классовой борьбе с кулачеством. Но все необходимые выводы сделаны не были. Литературные организации и оргкомитет не сумели до конца претворить в практику своей работы указания тов. Шейбладзе. Это свидетельствует о недостаточности темпов, о не совсем удовлетворительном руководстве литературным движением. Печатаемое нами выступление т. Шаумяна показывает, что руководство северо-кавказского оргкомитета поворачивает литературное движение, что оно ставит перед ним новые задачи, что оно развешивает самокритику. Надо идти дальше по этому пути. Нужно шире и глубже развешивать творческие соревнования, решительнее бороться с репрессивными группировками, усилить руководство массовыми литературными движениями и национальными литературами, повышая революционную бдительность, усложняя задачи достигнутых успехов (а они есть), но дряблость большевистски за новые творческие победы, за новые кадры писателей с фабрик, заводов, совхозов и колхозов.

Северный Кавказ первый успешно закончил сплошную коллективизацию. На Сев. Кавказе в первую пятилетку построены индустриальные гиганты, изменившие лицо края. Последовательное проведение линии партии, борьба за пятилетку, за ликвидацию кулачества как класса на базе сплошной коллективизации создали все условия для успешного развития литературного движения. Постановление ЦК от 23 апреля вызвало на Сев. Кавказе рост новых творческих сил. На его основе объединились лучшие литературные силы края.

Лучшие писатели Сев. Кавказа были активными участниками классовой борьбы, они включились в непосредственную борьбу с кулацким саботажем на хлебозаготовках, были помощниками партии в проведении весенней посевной кампании в текущем году. Участие в практике социалистического строительства, борьба за линию партии помогали писателям Сев. Кавказа в их творческой работе, вооружали их пониманием происходящих исторических событий, повышали их идейно-художественный уровень.

К 15-й годовщине Октября северокавказские писатели выпустили ряд художественных произведений, наглядно свидетельствующих об укреплении литературного движения на Сев. Кавказе. Особенно следует отметить расцвет культуры и литературы в национальных областях, многие из которых до Октябрьской революции не имели даже простой письменности, а в экономическом отношении отставали на тысячелетия. В настоящее время в этих областях имеется уже десятки писателей, работающих в поэзии, прозе, драматургии. Чеченцы, адыгейцы, карачаевцы, балкарцы, осетины, ингуши, кабардинцы и другие национальности строят свою культуру, создают свое искусство.

Несомненные успехи литературного движения на Сев. Кавказе. Но они могли бы быть большими, если бы постановление ЦК от 23 апреля проводилось более боевыми темпами, если бы руководство литературных организаций действительно руководило творческой дискуссией, глубже вытекало в

КЛАССОВАЯ БОРЬБА в произведениях писателей СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Северный Кавказ — один из основных крупнейших сельскохозяйственных районов Советского союза, первый ставший на путь сплошной коллективизации, в то же время — край, где наиболее густо асели осколки вдребезги разбитой белогвардейщины.

Этим и определяется та острота классовой борьбы, которая с особой силой разгорелась в крае и особенно на Кубани в конце прошлого года, когда кулак, белогвардеец, засев в колхозах, опираясь на жуплика с партийным билетом, превратил отдельные колхозы в антисоветские гнезда, пытался повести наступление на советскую власть, разрушая общественную социалистическую собственность, организуя саботаж.

Разоблачить эти маневры и механику саботажа кулацких контрреволюционных элементов отточеным словом художника, сорвать маски с классового врага, рассказать большевистскую правду о колхозе, о людях, которым принадлежит настоящее и будущее, — нет более почетной задачи для писателя, живущего и работающего в Северо-кавказском крае.

Истинной является положение, что каким бы высоким уровнем культуры ни обладал писатель, он не даст высокохудожественного произведения, не зная изображаемой действительности.

Пример «Поднятой целины» М. Шолохова, в которой знание жизни приобретено писателем не случайными выездами и «экскурсиями» из центра на 2-3 недели «за материалом», а постоянным активным участием в процессах социалистического переустройства, в этой отношении очень показателен.

С этой точки зрения чрезвычайно интересно дать хотя бы краткий обзор произведений других писателей Северного Кавказа.

Что является наиболее показательным для северокавказской организации союза советских писателей? Во-первых, как это ни странно, чрезвычайно невинные к той литературной продукции, тематика которой — социалистическая переладка сельского хозяйства, классовая борьба в деревне. Это можно доказать хотя бы тем фактом, что северокавказская критика не уделяла почти никакого внимания этим произведениям и, естественно, не сумела сделать в свое время необходимых выводов, которые могли бы помочь писателям в их творческой работе.

Во-вторых, отсутствие работы с литературными молодежками, совхозов и колхозов края, с теми работниками литкружковцами, которые работают на материале северокавказской деревни.

Сложнейшие процессы, происходящие в северокавказской станице, в колхозах, с большей или меньшей полнотой, правильно или неправильно отображенные в произведениях северокавказских писателей, не привлекали к себе необходимого внимания писательской общности и в частности северокавказского оргкомитета. Писатель не получал необходимой и главной своевременной помощи.

Это не могло не сказаться на качестве выпущенной продукции; это сказалось и на том, что деревенская тематика привлекала недостаточное число писателей. Этим, наконец, объясняются крупнейшие срывы, которые мы имеем в отдельных произведениях.

Социалистической перестройке деревни посвящены произведения тт. Ковалева, Медведова, Мара, Дюбина, Горбана и последняя повесть Бусыгина.

Каков же идейно-политический и художественный уровень этих произведений? Насколько удалось авторам запечатлеть в художественных образах основные процессы, происшедшие и происходящие в колхозной станице? Как переключаются, наконец, эти произведения о недавнем прошлом с сегодня колхозного строительства?

Насколько удалось авторам запечатлеть в художественных образах основные процессы, происшедшие и происходящие в колхозной станице? Как переключаются, наконец, эти произведения о недавнем прошлом с сегодня колхозного строительства?

Павел Кованов — один из первых пришел к колхозным темам. Очерками «Ветер» «Земля в покое», «Ветер», «Ветер», «Поземье о лошадях» он пытался показать бурный разворот классовой борьбы в северокавказской станице, многообразие классового врага (кулак, попа, сектанта и т. п.) и его методы борьбы с наступающим социализмом.

Кованов разоблачает кулаков, зажиточных, врагов колхозного строя и наряду с этим показывает тот слой середнячества, который пошел за партией в борьбе с кулачеством, ставшая опорой советской власти в деревне на этапе сплошной коллективизации.

После этих небольших произведений, в которых он достиг значительных успехов в овладении художественным мастерством, Кованов попытка своей опыт в некорректной системе в повести «Станица в огне» («Федерация», 1931) и потерпел неудачу.

В большом произведении Кованов не сумел дать правильный анализ классовой борьбы в станице и движущих сил нового строительства. И по своему художественному уровню «Станица в огне» оказалась шагом назад: ультра-романтизм, мелодрама заменили в повести глубокий и реалистический показ действительности.

Опираясь на неверную идею, Кованов показал в повести колхозное движение как стихийный процесс, вызванный внутренней тягой земли, изголодавшейся по хорошей работе, по агротехнической культуре и толкающей крестьянство на реконструкцию хозяйства, на объединение в колхозы. Не удивительно, что в свете такой теории партии, ее роль изображена Ковановым внешне, — не как сила, организующая и направляющая колхозное движение через классовую борьбу, а только политический его оформляющий.

Язык повести малохудожественный, напыщенный и подчас газетно-шаблонный.

Но отменяя крупнейшие политические и художественные срывы повести Кованова, нельзя сбрасывать со счетов его ранние произведения о первом этапе коллективизации. Надо полагать, что в подготавливаемой повести «Кубань-родинка» Кованов сумеет преодолеть все эти ошибки и недочеты.

Повесть С. Медведова «Двадцатипятилетник» интересна обилием конкретного материала, раскрывающего, правда, тоже во многом эмпирически сложный перелет классовой борьбы на первом этапе коллективизации. В повести есть коренной недостаток: ведущие персонажи ее не являются типическими для северокавказской станицы.

Медведов, явно не освоив материала, не сумел омыслить и правильно отобразить действительность. В повести показаны и борьба кулаков с колхозами, и вредительская работа белогвардейцев, вредящих в колхоз, но созданный правильный образ двадцатипятилетника Медведову не удалось. Его двадцатипятилетник — Михелев больше занят своими семейными делами, чем всем происходящим вокруг него.

Работа Михелева показана в повести чрезвычайно схематично, оторвано от масс колхозников, которые, кстати сказать, в повести на последнем плане.

Тему борьбы переломного колхозного актива и перестройки сознания мелкого собственного разрабаывает Н. Мар в повести «Закон». Но низкий уровень повести проявляется и в неглубоком охвате действительности и, особенно в схематической обрисовке персонажей: кулаки — злодеи, колхозные бригады — славадобродетельны. Стилистически — повесть стоит не на высоком уровне.

Чрезвычайно низкий идейный и художественный уровень романа В. Дюбина «Забурный край». Классовая борьба в деревне подана писателем в плане авантюрного действия. На фоне колхозного строительства, весьма туманно изображенного, В. Дюбин показал сеть авантюристов приключений какого-то таинственного польского шпиона, пытающегося отравить детей в колхозных яслях, вывести из строя тракторы и т. д. Такое развитие сюжета привело писателя к грубейшей вульгаризации темы.

Поэма Е. Горбана «Лаба» и повесть А. Бусыгина «Повести Ивана Михайловича Челнокова» — произведения, написанные на материале последних месяцев, особо обостренной классовой борьбы на Кубани. Эти произведения, выгодно отличающиеся своим идейным и художественным уровнем, показывают, чего может добиться писатель, включивший себя в практику социалистического строительства.

Е. Горбань и А. Бусыгин принимают непосредственное участие в разоблачении кулацких контрреволюционных элементов в станицах и в создании настоящего большевистского единства в колхозах. Именно это позволило написать им актуальные и значительные произведения.

Достоинство поэмы в том, что ее образы и детали запечатлевают те новые маневры классового врага, о которых говорил на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин. Поэма Е. Горбана — первое крупное поэтическое произведение, рисующее кулацкий саботаж и борьбу с ним. Отсюда и большая значимость поэмы. Однако в ней есть ряд крупных недостатков: она разнотна и заромождена побочными описаниями; ряд персонажей ее обрисован схематично.

Основной герой повести А. Бусыгина — Иван Михайлович Челноков — бывший красный партизан, рабочий-кузнец, посланный крайкомом партии в помощь местной партийной организации. От его имени ведется повествование, его глазами, глазами рабочего-коммуниста и красного партизана, утвердившего советскую власть на Кубани, смотрит читатель на сегодняшнюю, чрезвычайно сложную, многогранную колхозную действительность.

Бусыгину удалось в небольшой повести с большой убедительностью показать преданных делу партии колхозников; вскрыть такие процессы, которые происходят сейчас на селе и очень мало освещены в нашей художественной литературе. Больший недостаток повести является ее простота. Это и идейная несамостоятельность, свидетельствующая о творческом росте А. Бусыгина.

Разоблачая классового врага, проинспектировав в колхоз, автор вместе с тем показывает, как складывается новый колхозный актив и какие источники неисчерпаемой творческой энергии имеются в колхозах.

Повесть Бусыгина — вклад в художественную литературу о классовой борьбе в деревне.

За последние месяцы на страницах краевой печати появилось много очерков о классовой борьбе в северокавказской деревне. В краевой газете «Молот» за это время

напечатаны очерки И. Чилима, Е. Годович, П. Максимова, И. Рубина, рассказа И. Стальского, Ал. Михалева.

Очерк И. Чилима «Дорогая, ценная жизнь наша» — прекрасный отклик на речь т. Сталина на съезде колхозников-ударников, голос женщин-колхозниц нашего края, отвечающих на обращение к ним вождя партии. В очерке «Матрена Дорощенко» дан образ растущей колхозницы, образ несомненно жаждущий дальнейшей разработки.

Очерки писателя П. Максимова в техническом отношении значительно выше остальной очерковой литературы, помещенной в «Молоте». Однако в них недостаток творческой зоркости и политической остроты.

Кулацкий саботаж еще не сломен. Об этом говорил секретарь северокавказского крайкома т. Шейбладзе: «Не везде мы сломали саботаж, мы его, безусловно, еще не ликвидировали полностью». Саботаж сказывается и в момент засыпки семифондов, и в отношении к семейной судье, к трактору, к живому тяглу, организации труда в

поле, в бригаде, и в низкой производственной дисциплине, и в продолжающемся вредительстве в отдельных колхозах края.

Ни один писатель, ни один поэт, ни один критик северокавказской организации не имеют права стоять в стороне от борьбы за успешное проведение первого весеннего сева второй пятилетки, от борьбы с охватами капиталистических элементов, бешено сопротивляющихся новым формам и методам.

Большая работа ждет писателей. К годовщине постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля северокавказский оргкомитет союза советских писателей добился больших достижений. Но на участке деревенской тематики этих достижений мало. А то, что они могли быть большими, подтверждают такие произведения, как «Лаба» Горбана и «Повести» Бусыгина.

Сейчас большинство писателей работает в деревне. Ближайшее будущее должно ознаменоваться новым творческим подъемом.

Д. ФУНШТЕЙН, А. ЛИННИН, А. ВАСИЛЬЕВ, АХАЧИНСКИЙ, Н. ДУРАЧ

ИСПРАВИМ НЕДОСТАТКИ ДОБЬЕМСЯ ТВОРЧЕСКИХ ПОБЕД*

Со времени апрельского постановления ЦК в работе северокавказских литературных организаций имеется ряд недостатков: активизировалась писательская общность, пополнились к активному участию в творческой жизни ряд писателей, которые последние годы стояли в стороне, были написаны новые произведения, улучшены материально-бытовые условия писателей.

Однако в нашей работе имеются значительные недостатки: мы мало занимались массово-литературным движением и литературой национальных областей. И тут надо прямо заявить, что мы политически недооценили этот важнейший участок работы и что наши активные работники большевистским интродом не ощутили органической потребности в связи и постоянной работе в литературно-массовом движении края. Тот факт, что у наших литкружковцев есть внутреннее недовольство, которое проявляется в ряде выступлений и прямых заявлений об этом, свидетельствует о том, что мы недостаточно по-партийному, по-большевистски отнеслись к важнейшей задаче — поставленной перед нами. Мы устранили творческие вечера, мы их устранили много, они принесли известную пользу, пользу с точки зрения лабиринтной, но к сожалению, эти вечера не помогли идейному сплочению и росту нашего актива. Это была варка в своем соку. Ходили в клубы и выступали, но это не творческая связь с массами. Это — эстрада, которая тоже нужна, ее роли я не отрицаю, но для творчества писателя по-моему она не нужна. Наши писатели оторваны от рабочего, колхозного читателя.

Прошел год работы писателей и оргкомитета. Но укажите мне на новое качество ваших произведений, укажите мне, что вошел в путь, социалистическое строительство. Гойговские вещи порою проникнуты пессимизмом.

К той же группе горских писателей относится и т. Ибрагим Цей (адыгеец). В журнале «Революция и горы» помещались его рассказы «Мулла Ибрагим», «По атаман отцов», «Чапги» и др. Его рассказы «Одинокий» переведен на украинский язык.

Драматургия является наиболее излюбленным горским авторами литературным жанром. Имеются пьесы, достойные внимания на адыгейском, осетинском, чеченском, ингушском и др. языках. Имеются пьесы на русском языке, построенные на горском материале, принадлежащие горским драматургам, но они в основном большевистские остатоки, неслыханные и в силу отсутствия значения драматургии теми органами, которые обязаны ее поощрять и от которых зависит реализация и всестороннее использование уже написанных, часто напечатанных пьес. Но необходимо отметить и другое явление. Хорошие, нужные вещи, проникнутые любовью к тому новому, что приносит пролетарская революция, достойные внимания, не видят света, ибо национальное писательство по-настоящему не организовано, нет у него ни объединяющего литературного центра, ни своего печатного литературно-художественного органа, а журнал «Революция и горы» мало уделяет места литературно-художественным вопросам, а еще меньше — художественной литературе.

Совершенно необходимо указать, что в горских областях нет почти литературных критиков. Точно так же нет теоретической литературы, которая бы помогла начинающим писателям-горцам разбираться, что хорошо и что плохо.

Северокавказский оргкомитет союза советских писателей во многом мог бы помочь писателям национальных литератур, но его помощь до сих пор абсолютно ни в какой степени не может быть признана удовлетворительной.

Л. С. ШАУМЯН

Председатель оргкомитета Северокавказского края

литература хотя бы боком за этот год из новых писателей, из рабочего и колхозного актива края? Вот на Сельмае есть литературная группа. Сельмае — основное предприятие Северокавказского края. В эту группу входят Котенко, Ештуенко, Верхоорбенко, Фокин и другие. Но эти товарищи в своем творчестве стоят на том же уровне теверь, как и год назад, и я считаю, что тут немало вины нашей, так как эти товарищи не были нами втянуты, руководимы и обеспечены необходимой помощью со стороны оргкомитета и старшего поколения писателей, которые активно не содействовали их творческому росту.

И вот итог получается, что оргкомитет в своей практической работе литкружковцам не занимается; национальная литература не занимается; рядом важнейших литературно-творческих вопросов не занимается. Лично ко мне как председателю оргкомитета товарищи обращались с бесчисленными материально-бытовыми вопросами, но очень редко обращались по вопросам политики, по вопросам национальной литературы, по вопросам литкружков.

Большинство из наших писателей болельщики, которую бы я назвал самовлюбленностью, этаким высокой, тонкой щепительностью, чрезмерно повышенной, которая недостойна советских писателей.

И если по-партийному подойти к вопросу о том, что делается на Кубани, то тут надо понять одно: мы сейчас в Северокавказском крае имеем такое новое в нашей политике, в наших действиях и мероприятиях, которые мы проводили и до сих пор проводим, такое исключительное, что никогда больше не повторится в истории Советского союза, в истории советской деревни. Я не буду этого подробно излагать, я только подчеркну, что советский писатель обязан стать бытописателем своей родины, его обязанность — рассказать о классовой борьбе на Кубани, правду о социалистическом строительстве нашего края. Высококачественная творческая работа правдивого отображения действительности Северного Кавказа — первоочередная и основная работа каждого члена нашей организации.

В заключение я считаю, что нам нужно больше самокритики, больше партийной постановки во всех, более тесной консолидации всех партийных сил и решительного переключения всего нашего писательского актива на художественное творчество и на образцово поставленную работу в литературных организациях национальных областей и массовых рабочих и колхозных литературных кружках.

* Из выступления т. Шаумяна на совещании в Ростове на Дону, установленном северокавказским оргкомитетом и «Литгазетой».

Ислам Карачайлы ЛИТЕРАТУРА национальных областей СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аварцы, кумыки, лаки, даргинцы (дагестанцы), осетины имели свою письменность и до Октябрьской революции, причем письменность дагестанцев была на арабской основе, а письменность осетин — на русской, церковно-славянской. Все остальные горские народности — а их около пятидесяти — в царской России были народами бесписьменными.

Октябрьская революция дала народам Северного Кавказа родную письменность, дала школы, учебники, полиграфическую базу.

Отсюда становится понятным, что горские литературы (чеченская, ингушская, кабардинская, балкарская, осетинская, дагестанская), литературы народов Дагестана, а также литература дагестанцев, литература ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, дагестанцев, в значительной степени остаются в стадии ученичества, чему значительно способствует многоязычие, территориальная разобщенность, слабость культурного наследия, отсутствие сколько-нибудь заметной помощи и живого руководства со стороны братских писательских организаций. Все сказанное не исключает того положения, что в горских литературах уже сейчас имеются отдельные талантливые произведения и много одаренные писатели.

Горская поэзия является наиболее ранним видом литературы, возникшей в советское время. Стихотворения горских поэтов, относящиеся к первым годам советской власти, отличаются большой примитивностью. В массе поэтических произведений, которые написаны на десятках языков, среди ряда хороших, порою талантливых вещей, есть много литературного

шлака, беспомощности и т. д. Приходится самостоятельно прокладывать дорогу без достаточного опыта, без достаточной помощи со стороны.

С годами поэтические произведения стали более зрелыми. Чувствуется борьба за ликвидацию отсталости литературы от темпов социалистического строительства, стремление работать над революционной тематикой.

У всех национальностей поэзия наиболее место посвящает Ленину, Сталину, революционным праздникам, распространению женщин, разоблачению мулл и т. д. Особенно много песен, посвященных Ленину.

Выдвинулся ряд поэтов, которых хорошо знают трудящиеся массы. Среди чеченцев отметили тт. С. Бадухва, А. Ножанова и М. Мамакаева. Очень сильные стихотворения, посвященные положению чеченской женщины, написал на родном языке т. Бадухва. Ряд вещей этого автора переводился на русский язык.

Среди адыгеев выдвинулись тт. Ахмед Хатков, Шабан Кубов и Ибрагим Цей. Из карачаевцев с большим успехом работает Исса Каракетов, первый переводчик «Интернационала» на родной язык, автор двух сборников стихотворений, отведенных друг от друга девятилетним промежутком времени, а потому и неравноценных.

Значительное количество стихотворений написал и помог обогащению литературно-художественного языка карачаевцев и балкарцев А. Биджиев, автор оригинальных произведений, переводов с русского языка учебных книг для национальных школ, переводчик дермонтовского «Демона» и т. д.

Большой известностью среди широких масс Карачая пользуется Азрет Уртенов — автор двух небольших сборников стихотворений, выпущенных в 1927 и 1930 годах, хотя у него есть крупные недостатки: склонность к арабизмам и фемелизмам, отсутствие упорного стремления к совершенству. Среди поэтов-осетин подлинную известность на своей родине, можно назвать Г. Кайтукова, Т. Хутиняева, Т. Бесаева, К. Казбегова, Б. Бошиева. Тематикой у них является строительство социализма, с чем они крепко связаны как практики-строители, как рядовые работники.

Несомненные достижения в области поэзии имеет Советская Ингушетия. На этом участке литературы за последние годы выдвинулись тт. Бекоев (поэма «Две эпохи»), С. Озиев (поэма «Калым и Тамара»), Муталиев («Мы идем»). Значительные надежды подавала преждевременного погибшая Фатима Мальсагова, год тому назад выступавшая в Ростове на краевой горской олимпиаде со своими стихотворениями на родном языке и как артистка (в ингушской пьесе Д. О. Мальсаговых «Перелом»).

Ряд имен выдвинули Кабарда и Балкария. Из кабардинских поэтов чаще остальных слышится имя т. Борукаева. Он автор высокохудожественных стихотворений; он также подари Кабарде цикл «Сасе». За Борукаевым идет т. Шехикачев. За последние годы он вырос идейно, его читают во всей Кабарде. Есть целая плеяда молодых поэтов, на рост и развитие которых «старик» Борукаев и Шехикачев имели огромное влияние.

Дружно идут поэты другой языковой группы — балкарцы. В языковом отношении они близки карачаевцам, но географически с ними разобщены. И тем не менее, несмотря на свою малочисленность, балкарцы выдвинули таких поэтов как Ульбашев, Гуртуев, Шахмурзаев. Ульбашев — автор сильного стихотворения, посвященного т. Сталину, причем стихотворение выполняется, поется им самим же. Слова автора, как безграничное уважение к учителю рабочего класса, производят неотразимое впечатление.

Мы не исчерпали всех товарищей, работающих среди десятков горских народностей Северного Кавказа. Но все они — различные степени одаренности и квалификации — нуждаются в общей и литературной учебе.

Горские беллетристики распадаются на две группы: пишущих на родном языке и тех, которые пишут и по-русски.

Художественная проза горских национальностей явилась у горских народов значительно позднее и развивалась медленнее. Горские писатели абсолютно не имели в прошлом, частично не имеют и до сих пор образов, по которым им можно было бы учиться, которые в какой-либо мере помогли бы создать большие художественные полотна.

Слабость, неопытность, молодость писательских кадров горцев, молодость самих литераторов делают понятным, что капитальные достижения на этом участке литературного фронта нет.

Чеченцы, например, имеют в своем активе повести упомянутого выше Саид-Салиха Бурдуева «Огненная гора» и «Адыты» и роман «Патимат». В этих вещах основным стержнем является борьба между старым и новым, пути и трудности распространения женщин. В то время как ряд стихотворений т. Бадухва переведен на русский язык, его проза остается недоступной для всех, кто не знает чеченского и ингушского языков.

Трагична судьба романа адыгейского писателя т. Керашева «Винолет», который был написан на адыгейском языке, дан в одно издательство и... затерян. Теперь выпущенная первая часть этого романа Адыгейским облигатором на русском языке к 15-й годовщине Октября под названием «Шамбуль». Героим романа является московский вузовец-адыгеец, комсомолец, кандидат партии. Роман рисует проникновенные советского влияния в непроницаемую толщу адыгейских масс, которым после политического освобождения от власти князей, дворян, помещиков, феодалов нужно было освободиться от страшно тяжелого, крепкого и опасного врага — адыга, пережитков старины, которые, конечно, остаются нетронутыми, мешают появлению ростков нового, опутывая вековыми путями сознание крестьян-колхозников.

В 1930 году Черкесским облигатором выпущен на черкесском языке роман Вл. Чернышева в соавторстве с Х. Абуковым «На берегах Зеленомучу». Тов. Чернышев, работавший в национальной области, но не владевший черкесским языком, дал этот текст по-черкесски. Но по имени этой группы работающих на родном языке есть другая (не менее значительная) группа национальных писателей, пишущих по преимуществу на русском языке. К числу этих писателей принадлежат чеченец т. Саид-Бей-Арсанов.

Отдельные отрывки его романа «Держи крепко свое сердце» печатались в журнале «Революция и горы», но роман в целом, результаты нескольких лет трудов автора, не увидели до сих пор света, хотя он неоднократно одобрялся нашими издательствами.

Из горской среды на всеозвучную литературную арену выдвинулись такие писатели, как осетин Дзаго Гагуев, автор сценария кинокартины и книг «Зелим-Хан», «Дикало-Замана», «Ага-аул», «Ингуш» и др.

Из осетинской среды выдвинулся Хаджи-Мурат-Гагуев, автор книг «У врат Багдада» и «Огненная лапа».

Исключительно по-русски пишет ингушский писатель Гамид Гойгов, автор серии правдивых рассказов из ингушской жизни. Стержневые вопросы в его творчестве — кровавая родовая месть, женская доля, раскрепощение интушки от вековых

пут, социалистическое строительство. Гойговские вещи порою проникнуты пессимизмом.

К той же группе горских писателей относится и т. Ибрагим Цей (адыгеец). В журнале «Революция и горы» помещались его рассказы «Мулла Ибрагим», «По атаман отцов», «Чапги» и др. Его рассказы «Одинокий» переведен на украинский язык.

Драматургия является наиболее излюбленным горским авторами литературным жанром. Имеются пьесы, достойные внимания на адыгейском, осетинском, чеченском, ингушском и др. языках. Имеются пьесы на русском языке, построенные на горском материале, принадлежащие горским драматургам, но они в основном большевистские остатоки, неслыханные и в силу отсутствия значения драматургии теми органами, которые обязаны ее поощрять и от которых зависит реализация и всестороннее использование уже написанных, часто напечатанных пьес. Но необходимо отметить и другое явление. Хорошие, нужные вещи, проникнутые любовью к тому новому, что приносит пролетарская революция, достойные внимания, не видят света, ибо национальное писательство по-настоящему не организовано, нет у него ни объединяющего литературного центра, ни своего печатного литературно-художественного органа, а журнал «Революция и горы» мало уделяет места литературно-художественным вопросам, а еще меньше — художественной литературе.

Совершенно необходимо указать, что в горских областях нет почти литературных критиков. Точно так же нет теоретической литературы, которая бы помогла начинающим писателям-горцам разбираться, что хорошо и что плохо.

РАССКАЗ о главном

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ КУКРЫНИКОВ

Артем Веселый

Это в самом деле рассказ о том, как председатель гнался за главным. Охота происходила в одной из зал Дома Герцена. В описываемый нами вечер тот собрался проанализировать с Никифоровым сидевшие фигуры Ильфа и Петрова. Вечно улыбающийся Борис Левин был тут же в отличие от критика Федора Левина, который забрался в другой конец, отдыхая в тени Кукрыникова. Женщины образовали особую фракцию. То были Анна Караваева и Раиса Азарх. Против них чинно уместился тихий Индин. Бела Иллеш шушукала с польским писателем Людвигом. Захар Харрисов ел из одной тарелки с Борисом Лапниным и Л. Пасынковым. Иван Макаров только что приехал из колхоза, привез интереснейшие новости, и С. Гехт, который собирался выехать на поселение в Веневский район вместе с Е. Габриловичем (некстати заболел), жадно слушал Макарова. Как-то незаметно вошли Мате Залма и Новиков-Прибой. Этаким глыбой возвышавшаяся в дальнем углу цветущий здоровьем и идеолообразный Артем Веселый.

Охота за главным началась незаметно. Внезапно председатель остановил свой взгляд на Никифорове. — Я, собственно, не знаю, — начал, разумеется, Никифоров, — что бы я мог такое сказать? — Насколько нам известно, — раздался голос, — ты три года пишешь роман... — Да, и я собираюсь его во второй раз переписать. — Почему? — Я читал некоторые книги и вижу, как люди пытаются заставить одно зерно произойти 50 кустов. Я читаю мой роман и чувствую, что его еще надо насытить и оградить и оправдать. А главное — он написан не так. Это очень трудно сказать, потому что всегда знаешь, о чем писать, но

Лев Пасынков

долго думаешь, как писать. Это как писать? заставляет меня переписать роман. Как написать — это имеет большое значение для писателя, потому что всегда хочется видеть вещь лучше сделанной... Тут Никифоров встал, и все увидели, что он похож на Пата и Пагачон. Но дело не в этом, а в том, что он встал и сделал отчаянный жест. — Эх, — сказал он, — если хочите, я недоумел всеми нами. Мы, грешные люди, пишем по какому-то заранее обдуманному предначертанию, я даже не скажу — плану. Мы пишем под что-то, а не о чем-то. Мы пишем под колхоз, мы пишем под ударника, под завод, а не о действительном заводе или колхозе, не о настоящем человеке в широком звучании этого слова.

Я считаю идеальным такое положение, когда тот или иной художник носит свои собственные мысли, и я бы сказал даже, взгляды, и вот, выносив эти мысли, он их фиксирует, записывает. Уже потом у него будет роман, рассказ, повесть или пьеса. Но это будет его собственное произведение, никем не внушенное.

Председатель. Не нужно забывать, что свое, оригинальное создается на основе огромного опыта прошлого и настоящего. Этот, хотя и не свой, опыт должен быть усвоен.

Никифоров. Да, но нужен свой угол зрения. И вот это выношенное писателем и написанное совпадает или, вернее, выпадает в расхождение.

— Да, — вмешался задумчивый Лапин, — это очень важно знать, как писать.

— Как, как? — оживилось собрание.

— Если бы я мог ответить, — вздохнул Лапин, — мне было бы гораздо легче работать. Я сейчас пишу новую вещь. Это роман из жизни XIX века. Когда я начал свою работу, то требовал от нее совершенно других вещей, чем теперь. Я молодой автор. Я должен найти для себя совершенно новую доро-

гу. Когда я соберу свои мысли, то ясно выскажусь... Сказал Архангельский, который вспомнил о том, что он сатирик-юморист. Но мушкетерный голос Пермитина прекратил издательства Архангельского. — Я тоже, — воскликнул он, — тоже работаю третий год над романом. Мне очень тяжело. Все, что я написал до сих пор, было литературной тренировкой. Какие требования я предъявляю к себе? Я хочу оттолкнуться от «Поднятой целины» Шолохова. Я высоко расцениваю это произведение, но у меня есть о нем и свое мнение. Я уважаю этого художника и люблю его больше, чем других писателей, но мне кажется, что книга местами лишь художественная надстройка на газетам «Правда» и «Известия».

Я это произведение считаю областничским, я не вижу, чтобы здесь художник поднялся до огромного обобщения. Он лишь фиксирует определенный этап не с точки зрения того, как он есть в действительности, а с точки зрения того, как бы его хотелось видеть. Он занимается художественной иллюстрацией того, что пишут в наших газетах. Мне кажется, что события, которые он описывает, на самом деле гораздо сложнее и острее. Он здесь сознательно сглаживает углы, заранее строя это

произведение по определенной тенденции! — Так вот, мне хочется сейчас и самому дать произведение, подлинно актуальное, подлинно светское, но где вместе с тем ложиться и отрицательное должно быть раскрыто во всей глубине, без заранее составленной, намеченной тенденции, идущей от плохого романа.

В частности я пишу об Алтае. Мне хочется связать то, что происходит на Алтае, со всем происходящим в нашей стране. До сих пор я не вижу этого ни в одной книге.

Мои герои живут на Алтае, в старообразческой конной деревне, чрезвычайно захитонной, близкой монгольской и китайской границе. Узнаю о раскулачивании, кулаки предупреждают у себя это раскулачивание. Они сжигают богатейшие усадьбы, нажитые в течение двух столетий — необычайной эксплуатации туземцев. Они уходят в Монголию или даже в места, еще более недоступные, на вершину Коксу.

Мне хочется дать таких людей, показать их звериное лицо. Я не хочу пользоваться той рецептурой, которой пользуется Шолохов, давая человека так, чтобы вызвать к нему определенную антипатию; одну унию положительного и две унии отрицательного. Я хочу показать человека в момент сжигания имущества, показать, как он переживает эту трагедию, когда своими собственными руками сжигает то, что копил в течение двухсот лет. Я хочу показать отвратительное лицо собственника.

Тут Ильф подошел к Пермитину и сказал:

— Хорошо, интересно. Здесь летописец должен выразить недоумение. Он не понимает, зачем Бела Иллеш взял с собой переводчицу. Тот больше улыбался, чем переводила. Если бы не тихий, задумчивый Лапин, слова Иллеша, высказанные им на нескольких языках, в том числе на старо-русском, в отличие от старо-русского, если бы не Лапин, все осталось бы тайной. Но Лапин отстранил на минуту свои мысли и по знакомству передал соседям, что Бела Иллеш тоже недоволен. Единственно, чем он доволен в литературе, так это постановлением ЦК...

— От 23 апреля! — подхватили слушатели. — Вот именно! Он стал иначе мыслить после постановления. Многие произведения и авторы, которых он считал враждебными, сейчас уже не кажутся ему такими. Ему сейчас стыдно подписывать свою фамилию под некоторыми вещами, написанными до апреля. Если раньше он представлял себе свой роман как произведение только политическое, то сейчас он понимает, что роман есть произведение, не только политическое. Возникает бешеная работа над стилями. Апрель вооружил его новым ору-

Очень хорошо, что сами писатели критикуют «Поднятую целину», но пока критики дают более правильную оценку (см., например, статью т. Васильковского в этом номере).

О НОВОЙ ФОРМЕ РОМАНА И ДОС-ПАССОСЕ, О „ГУЛЯИ ВОЛГЕ“ АРТЕМА ВЕСЕЛОГО И РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ, О ПЛУТАРХЕ И СОВРЕМЕННОМ БОЕ, О КРИСТАЛЛАХ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В ДЕРЕВНЕ, О „ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЕ“ И КУЛАКАХ НА АЛТАЕ, О ШКОЛЕ РАВНОДУШНЫХ И ПРОЕКЦИИ ГЛУБИНЫ НА ПЛОСКОСТИ, А ТАКЖЕ О ДРУГИХ ВЕЩАХ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

нем, освобождая от узости, раскрывая новые горизонты. Вот почему ему приходится, как и Никифорову, перерабатывать свои романы. — Шуки! — воскликнул С. Гехт, вовсе не имея в виду Иллеша или Никифорова, — я возненавидел всякого шукаря в литературе. Я вижу литераторов — вузы, молодых, — которых прельщает формализм, экзотика, эквилибристика, работа на типографских шрифтах. Откуда в наше исключительное важное и правдивое время любовь к явлениям внешним и поверхностным, к межкому украшательству, к павлиньему оперению? Я видел в Ленинграде и в Москве много таких литераторов, их сердца и души были пусты, они кичились тем, что они новаторы, между тем как это является изобретением. И я обрадовался, когда

Анна Караваева

несколько страничек, на темы русских песен. Вот какие это были песни: «Ужарь-ужель, «Ревела буря, дождь, шумел, «Изумрудный, истерзанный». «Ванька-кюничик», «Во поле березинка стояла». Одной из первых вещей была «Ванька-кюничик». Я ее написал и забросил. А «Гуляй Волга» расписалась, и я написал вместо пяти страничек двенадцать печатных листов. Увы! Я увидел нетронутые пласты и замечательные мотивы, которых не было в русской литературе. Хотя бы взять вопрос о народах, населяющих Урал и Сибирь. Или взять вопрос зарождения русского рабочего класса. Мы по некоторым историческим или беллетристическим произведениям знаем демидовские заводы, пролетариат этих заводов, а о строгаонских ничего не знаем. Я это говорю с полной ответственностью. Я написал главу об этом и считаю, что это нужное дело, потому что пролетариат был не таким, каким он иногда кое-кому кажется, и не таким, каким он был в 1905 году. Меня увлекли эти темы и по своей художественной прелести и по своему социальному значению.

Сейчас у меня на очереди одна большая тема — Москва 1917 года. Тема интересная, мы имеем вещи о гражданской войне, главным образом, о периферии. Если мы возьмем Фурманова, Серафимовича, то они писали о провинции, а о Москве, которая является горой, мотором революции, никто не писал. Я приступаю к этой попытке.

Тут выяснилось, что Борис Лапин уже собрал свои мысли. Он начал с того, что похвалил Гехта за его филиппику против шукаря. — Да, — сказал Лапин, — возмущаясь, потому что понял в эту минуту, какой он нежданный оратор. «Улы!» формалистские шуки и снобистский метод начинаются прививаться и прививаются в писательских кругах. Писатели занимаются снобистскими упражнениями, перенимаем шутку западных писателей, поверхностным

и механистическим переживанием на память почу эти шуки. Это всего мертворожденные, которые умрут так же быстро, как быстро появились.

Я скажу о Дос-Пассосе. Он произвел на меня большое впечатление и даже оказал некоторое влияние. Я хочу сказать, что то, на что обращают внимание в Дос-Пассосе, является как раз наиболее спорным и наименее интересным. И верно, композиционно вещи Дос-Пассоса очень слабы.

Наиболее интересным мне кажется, это то, что Дос-Пассосе нашел для американской действительности способ изложить эту действительность. Что означают разговоры о том, что нужно разбивать старую форму романа? Я пришел к одному писателю, который написал одну

Бела Иллеш

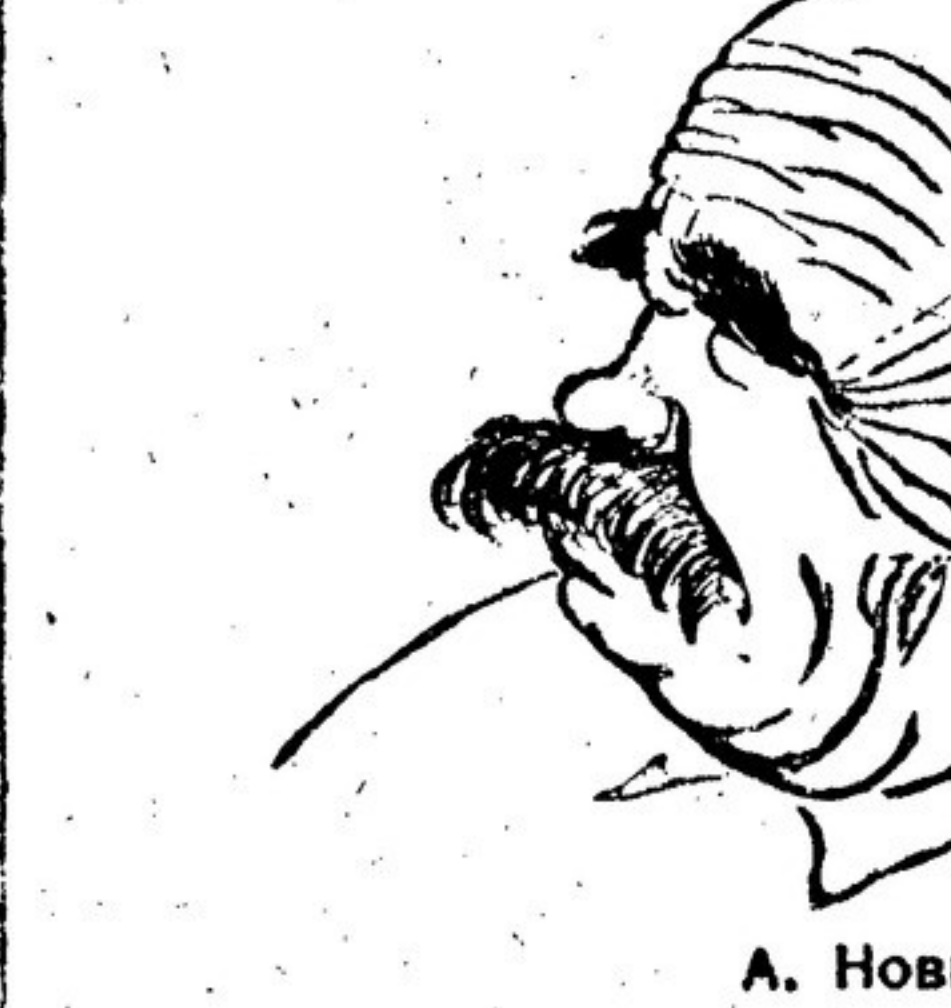
очень хорошую книгу, а другую — неудачную. Этот писатель написал блестящую традиционную книгу, но так как он показал одну определенную социальную прослойку, она была интересна, потому что открывала новый мир. И вдруг этот писатель говорит, что надо ломать старый мир, эти каноны никуда не годятся. Что это значит? У каждого писателя после ученических упражнений является необходимость найти способ, свойственный ему самому, способ изложения мысли. И вот, когда к известному возрасту у меня накопилось известное количество наблюдений и навыков, я хочу написать большую вещь и начинаю думать, как мне это изложить. Я хочу написать роман. Каким должен быть этот роман? Я не могу писать по-старинке, я не говорю, что нельзя писать, как Толстой, что нельзя писать, как Дюма или Флобер. Но я не могу так писать потому, что те наблюдения, которые у меня есть, не укладываются в старую форму. Если я попытаюсь построить канонический роман, который строится на определенной завязке, он, этот роман, не выйдет.

— Но этот «канонический роман» вовсе не существует в природе, он выдуман, ибо роман не есть застыв-

шая форма, покоящаяся где-то над землей, роман — живое явление — вступил председатель. Суть не в нарушении «канонов», это может превратиться в самоцель, а в находящийся такой формы, которая идеи и мысли доводила бы до читателя наиболее ярко и ясно и не затуманивала бы и не уродовала их.

Лапин сделал паузу и задал вопрос самому себе: каким же должен быть роман, над которым работает советский писатель? Я думаю, что это каждый должен разрешить сам для себя. Каким же образом надо строить сюжет, чтобы правильно показать нашу действительность, чтобы не было фальши, чтобы ухватить настоящих героев, то, о чем мы все говорим и о чем все думаем. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом строить роман и форму романа. Вот откуда появляются правильные нохи и здоровые поиски формы.

— Нельзя! — вскричал Пасынков. — Чего нельзя? — удивился Лапин. — Нельзя просто брать жизнь во всей ее протяженности. Только изучая жизнь в малом, можно полудить настоящий материал. Мы не знаем язык технологический, так, как ее знает Балзак. Мы видим людей, которые пишут о живом материале. Они имеют определенные тезисы, они пробавают изложить их, не зная жизни, они берут догму, построившую политический и публицистический, но не построивший их собственными силами. Это очень печально.

А. Новиков-Прибой

Все разговоры о самодовлеющем стиле для меня являются страшными, это, как говорят чертешники, проекция глубины на плоскости. На плоскости рисуется глубина, а у самого человека этой глубины нет. Человек берет громадную идею и раздробливает на кусочки. Получается нечто позорное, солонка, а живого подхода мы не видим.

— А я бы хотел указать на одно новое явление, — вступил в спор Илосх:

— Сейчас печатается работа по истории заводов, которую собрали покойный Ильин и Галин. Тут идет вопрос о пересечении биографии отдельных людей. Берут отдельных людей Сталинского тракторного завода и перескают их биографию, показывая рост всего завода... Люди показаны в действии не только в борьбе за профинплан, а гораздо шире.

И тут встал слово Иван Макаров. Он был взволнован. Ученые разговоры несколько расстроили его. Он только что приехал из деревни, из Спирова, где участвовал в раскрытии хитроумнейшего кулацкого заговора.

— Сидя здесь, — сказал Макаров, — вы можете многое упустить. Вы можете не заметить и проглядеть то, как постоянно меняет свою тактику классовый враг. Я тоже раньше думал, что опасно писать о горячем, сегодняшнем дне. Нет, видите ли, так называемых кристаллов. Но после того как сам принял участие в колхозной жизни, то увидел, что кристаллы эти сохраняются не только годами, но и в течение нескольких дней.

Я сейчас приведу пример, как складывается этот кристалл. Встречает меня как-то один ударник-колхозник и говорит: — Макаров, вы — писатель, можете быть, вы что-нибудь напишете в газете о безобразиях в селе Широбуше. Во главе колхоза сидит председатель — доль бывшего местного миллионера. — Я был удивлен и сказал ему, чтобы он пошел к Евграфу. Это — председатель РКК РКК. Но он отвечает, что работа РКК уперлась в село. Председатель колхоза, оказывается, вскорлится свиной в семь пудов и хорошенько позавтракала с Евграфом.

Как же случилось, что помещица этого района сумела стать кандидатом партии и премириван-

ной ударницей и что ее защищал председатель РКК? Дело в том, что этот классовый враг удивительно перестроился. Она не выступала против нас с обзором, с открытой агитацией, а прикрывалась нашей идеологией. Эта женщина разбивает всякое плакатное понятие о кулаке. Она подобрала шесть женщин-беднячек. Одной она позволила украсть девять пудов льна, другой — два воза кулацких вещей. В результате у нее был свой актив из восьми человек бедноты, а остальные — были обижены, терроризированные пасынки.

Посмотрите, как враг срывает сейчас уборочную. Бригады вышли в поле, рассыпались звеньями, горячая страдная пора — и вдруг огонь в деревне. А из поля не видно, чья изба горит. Все бегут домой, работа брошена, а время жаркое и уборочной нанесен удар. Так изо дня в день повторялись невинные, якобы, пожары. Смотрите же, товарищи, как складывается «кристалл». Он совершенно готов для художественной фактуры. Нужно лишь ждать, надеяться на отстой, на ретроспекцию? Нет, не нужно.

Когда же заговор раскрыт, кулак перестраивается и тут и подготавливает под удар бедноту. Он заинтересован в резкой чистке, он подсовывает мелкие и дотошные грешки, вроде таких курьезов, когда исключают красногвардейца и отличного колхозника только за то, что отец его когда-то продал два воза накали. Когда же это было? Сорок пять лет назад.

Я привожу эти примеры для того, чтобы показать, что в исканиях образа, в исканиях художественного кристалла, который нужен для нашей книги, следует отойти от той робости, которая у меня всегда была. Надо решить раз навсегда спор о том, как ближе писателю подойти к современности, чтобы не отстать, а почувствовать художественным чутьем следующий маневр врага.

— Да, — закончила свою речь Макаров, — писателя надо почаще ездить в колхозы. Тут завязалась довольно абстрактный разговор о том, можно ли или нельзя угадать действительность. Вернее, надо ли знать и видеть или можно без этого обойтись. Вступила в эту схватку и Азарх. Она вспоминала затем Плутарха. Фадеев любит говорить, что мы держим связь с дедами, минуя отцов. Что же касается Азарх, то она протянула свою руку не делам и даже не предам, а пращурим. Она сказала:

— Мы выдумываем форму, как будто бой. В то же время я совершенно случайно беру Плутарха и читаю описание боев Пирра. Это такая чудесная картина, что я думаю так: по Плутарху надо и учиться, как давать бой. А мы не выведем этим художественным наследством.

Все эти споры, понимаете, напоминают бег белки в колесе. Критике нужна дать иное направление нашим исканиям, нашим взорам. С одной стороны, овладение огромной культурой прошлого с другой — большая политическая насыщенность нашей психики, чтобы мы понимали все движущие процессы, чтобы вредительство нас не смущало, чтобы это было предпринято, что классовый враг будет сопротивляться.

Дикий возглас Кукрыникова пролетел шумную беседу: — Спустишь критиком! — кричала тронка, которая не только рисует вместе, но и кричит сообра, вроде хора Сержикова.

И был слышен Федор Левин, сидевший в их тени. Для начала он вспоминал свои школьные годы. — Когда мы начали изучать политэкономии, — вскричал он, — то многие товарищи не могли никак понять, почему лошадиный труд не создает стоимости, а создает стоимость только человек. Лошадь ведь тоже живое существо. Предполагать всечески объясня, но они преподаватель сказал: «Когда лошади будут писать свою политэкономии, тогда в ней лошади и будут создавать стоимость».

Е. Пермитин

Самое важное для нас — это человек, и с этой точки зрения мы подходим ко всякого рода явлениям. Когда я читаю многие наши произведения, то чувствую, что для многих авторов человек — не самое главное. Я чувствую, что у них нет

ни настоящей любви к человеку, ни настоящей ненависти и что писатель иногда просто свидетель. Часто он внутри одурел, тогда он смотрит на свои пух, как кот. Если говорить о классиках мировой литературы, то мы знаем, что для них человек был самое важное.

Тургенев сказал, что ему не нравятся его произведения, потому что от них вылетает литература, а у Толстого литература не вылетает. У названного писателя часто можно видеть простую неумелость. В дальнейшем развитии начинается другой этап, своеобразный (это не закон для всех писателей, но это бывает часто), этап неумелой сложности, когда он старается что-то закрутить, завинтить. И на следующем этапе, разумеется, если он не свернет в формализм, он подходит к тому, что называется сложной простотой.

Эта сложнейшая простота в есть то, к чему надо стремиться. Я вспоминаю одну мысль, которую высказал Версаев. Он говорит, что писателю должен все простить и приобрести все знания, но как? Он должен выйти из этого гола, чтобы к нему никто не пристало. Надо, чтобы эти влияния вошли в химический состав крови, так растворились, а он вышел бы новым и преобразованным.

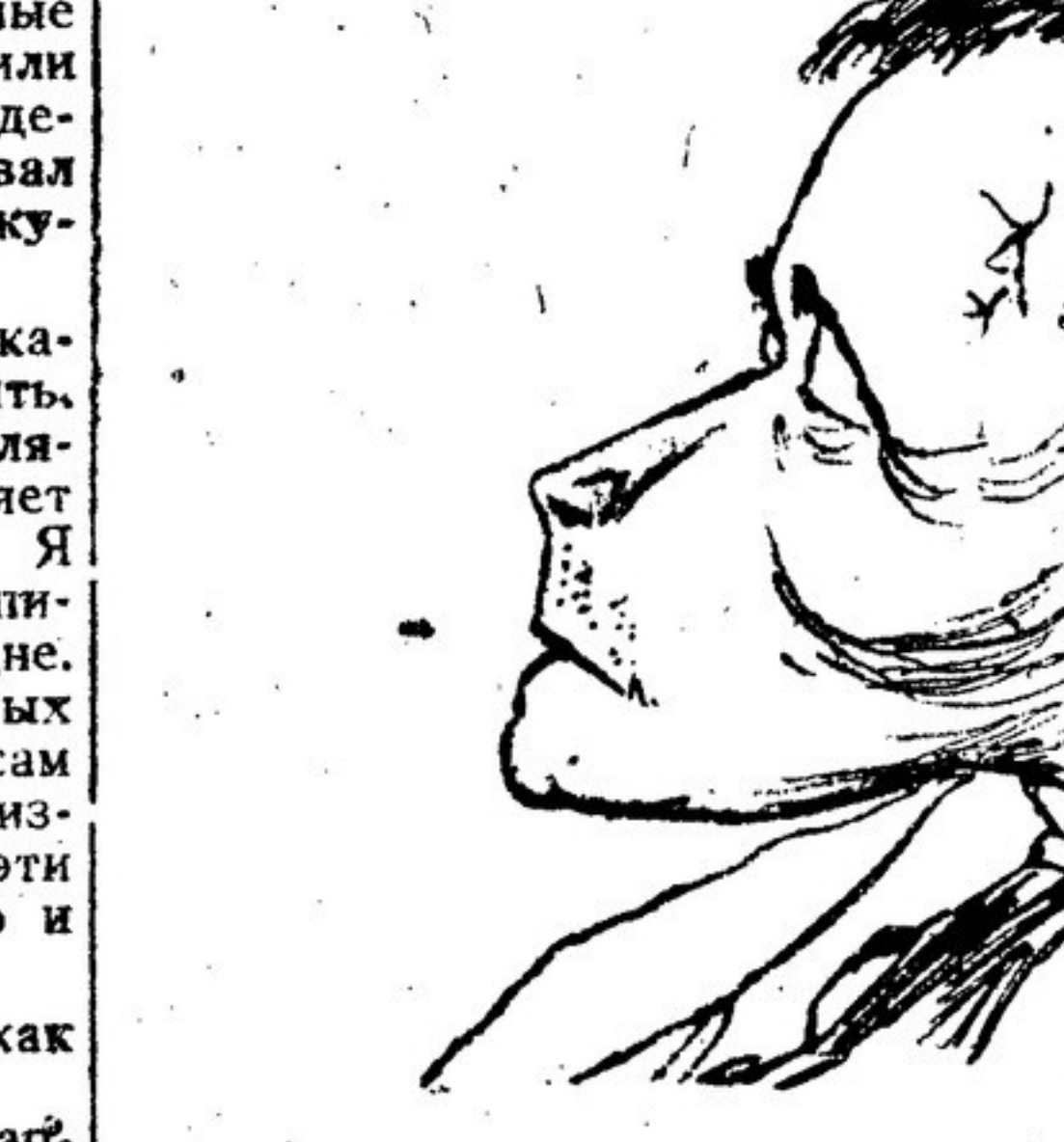
Нужно видеть все новое, что происходит в мире, но это новое надо и видеть по-новому. Это не формалистское остраение предмета. Надо видеть мир по-новому, с новых мировоззренческих позиций.

Вечер закончился. А выводы? Вот некоторые из них. Кое-что еще выдвигает на первый план «разрушение» формы, отражая влияние формализма, некоторые писатели озабочены «новаторством» как самоцелью, не понимая, что настоящее искусство рождается как искусство больших идей и ярких форм, а не как искусство трюка, шукаря, жоюльства.

Писатели по-настоящему работающие над стилем, над формой своего произведения, постановление ЦК от 23 апреля помогло ряду писателей освободиться от схем, штампа, поставило перед ними задачу повышения своего идейно-художественного уровня.

Большие произведения вырастают на основе глубокого изучения действительности, выступления Ив. Макарова именно потому было прослушано с таким необычайным и живым интересом, что он показал классовую борьбу на живых красках.

Ну, а как о Дос-Пассосе? О западной культуре? Это большая тема, к которой «Литгазета» еще вернется. Пока несколько замечаний. Запад — не одно целое, на Западе есть уже большая группа пролетарских и революционных писателей на стороне пролетариата — ряд мировых художников, как Ролан, Барюк, Драйер.

С. Гехт

Творческий опыт этих художников имеет огромную ценность для советской литературы. Шекспир — тоже западный писатель, но значим

ли это, что у него не нужно учиться, что не нужно «шекспиризировать». Вульгаризаторы представляют дело так, что вообще ничего изучать западных писателей. Но это — новое «славянофильство». Нужно знать западную культуру, как старую, так и новую, в частности нужно знать и современную западную литературу, ибо она показывает гниение и умirage капитализма, она является отражением распада буржуазного общества. Но надолго такие проповедники западничества, как Шкловский, которые посылают советских писателей учиться у буржуазного Запада, забывая о классовом характере литературы. Это — вредные установки, с которыми нужно бороться. Вредно и слепое подражание западным писателям, в том числе и Дос-Пассосе, для которого характерно разрозненное представление о мире, смитность формы которого — это его слабость, а не сила, который был бы неизмеримо более высоким художником, если бы он не канонизировал распада формы и не искажал бы содержание нарочитой формалистической усложненностью.

Очень верно сказала А. Караваева, что дом советской литературы такой большой, что нужно в первую очередь заниматься вопросами литературы СССР, а не увлекаться поисками западных образов для простого подражания.

Б. Лапин

ни настоящей любви к человеку, ни настоящей ненависти и что писатель иногда просто свидетель. Часто он внутри одурел, тогда он смотрит на свои пух, как кот. Если говорить о классиках мировой литературы, то мы знаем, что для них человек был самое важное.

Тургенев сказал, что ему не нравятся его произведения, потому что от них вылетает литература, а у Толстого литература не вылетает. У названного писателя часто можно видеть простую неумелость. В дальнейшем развитии начинается другой этап, своеобразный (это не закон для всех писателей, но это бывает часто), этап неумелой сложности, когда он старается что-то закрутить, завинтить. И на следующем этапе, разумеется, если он не свернет в формализм, он подходит к тому, что называется сложной простотой.

Эта сложнейшая простота в есть то, к чему надо стремиться. Я вспоминаю одну мысль, которую высказал Версаев. Он говорит, что писателю должен все простить и приобрести все знания, но как? Он должен выйти из этого гола, чтобы к нему никто не пристало. Надо, чтобы эти влияния вошли в химический состав крови, так растворились, а он вышел бы новым и преобразованным.

Нужно видеть все новое, что происходит в мире, но это новое надо и видеть по-новому. Это не формалистское остраение предмета. Надо видеть мир по-новому, с новых мировоззренческих позиций.

Вечер закончился. А выводы? Вот некоторые из них. Кое-что еще выдвигает на первый план «разрушение» формы, отражая влияние формализма, некоторые писатели озабочены «новаторством» как самоцелью, не понимая, что настоящее искусство рождается как искусство больших идей и ярких форм, а не как искусство трюка, шукаря, жоюльства.

Писатели по-настоящему работающие над стилем, над формой своего произведения, постановление ЦК от 23 апреля помогло ряду писателей освободиться от схем, штампа, поставило перед ними задачу повышения своего идейно-художественного уровня.

Большие произведения вырастают на основе глубокого изучения действительности, выступления Ив. Макарова именно потому было прослушано с таким необычайным и живым интересом, что он показал классовую борьбу на живых красках.

Ну, а как о Дос-Пассосе? О западной культуре? Это большая тема, к которой «Литгазета» еще вернется. Пока несколько замечаний. Запад — не одно целое, на Западе есть уже большая группа пролетарских и революционных писателей на стороне пролетариата — ряд мировых художников, как Ролан, Барюк, Драйер.

Творческий опыт этих художников имеет огромную ценность для советской литературы. Шекспир — тоже западный писатель, но значим

Писатель за ружкойсью

Рис. А. КОСТОМОЛЦКОГО

К. Федин

В январе этого года вышла в Париже книжечка, написанная белогвардейским критиком. Называется книжечка вежливо и бесстрастно «Портреты советских писателей», и включает она четырнадцать далеко небесстрастных характеристик ряда видных представителей русской поэзии и прозы последнего пятнадцатилетия. Нейтральное название явно несоответствует действительности, не востановит к бесноватому содержанию.

Белогвардейский критик, между прочим, судоверяет, что писателем нашего пятнадцатилетия, писателем, выросшим в Октябре, в идею и «вдруг почувствовал», в чем υπερεκείνη его наиболее вдумчивые критики за рубежом.

И потому, «автор в лирическом бегстве ищет спасения». И если в стране большевиков и пятилетнего плана появляются значительные художественные произведения, то это, надо полагать, от лирического бегства». Убежал Шолохов, «смириться» — принес в издательство «Поднятую цепь». Убежал Толстой и, убежал, отступая на машинке «Петра первого». Того самого «Петра первого», который, по свидетельству друзей, был задуман 35 лет назад, еще в четвертом классе старшего реального училища, о котором писал, мечтал чуть ли не весь дореволюционный период писательской своей деятельности и который был осуществлен лишь теперь.

Однако довольно о «наиболее вдумчивом критике». Позабавились — и хватит. Мы, признаюсь, были свидетелями того, какое «живительное» действие производила книга «наиболее вдумчивого» зарубежного критика на нашего советского писателя. Михаил Слонимский, пробежав страничку, ответил на вопрос о ленинградском поэте, отодвигая книгу:

— Николай Олейников? Замечательный парень и хороший поэт.

Маленькая рыбка, «Жареный карась», «Полночь на уловке», «Человек из плоти и крови».

Что была вчерашняя?

Мы с ним часто виделись, а вот здесь его не знаю. Стихи его скоро пойдут у нас в «Звезде». Стихи его...

А о «вдумчивом критике» Слонимский забыл. Константин Александрович Федин, машинально перелистывая «вдумчивого критика», вспомнил Стендаля, заговорил о том, какой замечательный эпиграф взял он из него для своего нового романа «Похищение Европы» («В стиле этого романа найдется много шальных выражений, у меня нехватит смелости их изменить»). Зошенко, прочитав немного о себе, отложил «наиболее вдумчивого критика» в сторону и полез в ящик письменного стола, чтобы извлечь вороха читательских писем и показать ценные свои бумаги, свои сокровища. Ценные бумаги оказались письма Максима Горького. Ценные бумаги были заложены глубоко, но Зошенко извлек их и, дунув в конверт, развернул и прочитал (в который раз) должно быть безразличную для него и должно быть здорово волнующие его строки.

— А я по вечерам читаю наши рассказы родным и гостям... Хороший смех у вас, Михаил Михайлович, «своим» смехом смеетесь... Саша Черненко, не удосужившись даже глянуть на страничку «вдумчивого критика», спросил о содержании книги и произнес короткое «вот, словечко». Николай Семенович Тихонов... тот просто сказал, что ему сейчас страшно некуда идти и что он прощай, куда-нибудь за свободу. «Вдумчивый критик» оказался лишним собеседником. У Зошенко он два часа провалялся на столике в обществе вчерашних окурков. Довольно, пусть катится вдумчивый зарубежный критик к вдумчивым зарубежным читателям. Там его поймут, там ему поверят.

А нашему писателю нужно идти к рабочему столу. Работы много. Материала много. Его ждет заканчиваемая рукопись.

«Европеец думает: это — Азия, над Азией проносится азиатские великие бунты — бунты пронесутся, Азия останется... Колесуются один деспот, на его место садится другой. Придет время — он будет колесован, на его место сидеть третий...»

Но цивилизация давно стала поворачиваться к Европе, ватой для ушей. Происходит не смена деспотов, а смена миров. Происходит не то, что подобно тому, что происходит, когда создавалась Америка, когда она выступила сначала соперницей, а затем победительницей, чтобы, в конце концов, оставаясь у себя за океаном, диктовать волю Европе. Только происходящее сейчас — грандиозное, величайшее рождение Америки. Страна, называвшаяся прежде Россией, будет передовой страной земного шара, передовой по технической культуре, по богатству населения и его здоровью, по уровню культуры, по богатству населения и его здоровью... Федин и Зошенко живут в разных местах Ленинграда. Федин — на проспекте Володарского, Зошенко — по улице Чаковского, почти у самого Таврического сада. Но конец нашей беседы у Федина встретился с началом нашей беседы у Зошенко, будто мы перешли из комнаты в комнату и возобновили прерванный разговор.

— Вечером еду в Выборгский район культуры. Буду выступать. Расскажу чего-нибудь о здоровье, о том, как нужно отдыхать.

— Общественная нагрузка? — Нет. Так пришлось. А тут как раз пишу «О здоровье». О здоровье, как может, слышали. Возвращенная молодость называется.

Глаза и весь вид у Михаила Михайловича — будто он только что проснулся.

— Работая, — говорит он, усаживаясь за стол, засыпанный табач-

она, ускоряя свой бег по наклонной плоскости, к социальным классам бунтам и революциям или же останется до поры, до времени в преддверии, в душевом предгрозовии, насыщенная нафталином запахом музейных разрядов? Это только маленький кусочек, черновой набросок, эскиз карандашом — не большая доля большого полотна «Похищения Европы» — романа, начатого еще в тридцатом (весь 31 год Федин проболел) и заканчиваемого только в этом году. Возможно, что читатель, развернув тоговую книгу, этого кусочка (о том, что думает европеец) как раз и не найдет, ибо сам писатель еще не нашел для него «удобного» места в романе.

Но вот сейчас, когда мы сидим в его рабочем кабинете, он роется в переполющенных черновых своих напках и, отыскав этот небрежный, напористый ключок бумаги, густо испещренный карандашом, подает его нам вместо ответа на вопрос. А вопрос? — Какова основная идея романа? Написанное на клочке — формула далеко неполная, но достаточно ясная, чтобы еще у истоков произведения можно было увидеть сердцевину его зерна.

Откинувшись на спинку рабочего своего кресла, писатель говорит о том, что больше всего интересовало его за последние годы, когда, больной и отдыхающий, он продолжительное время жил за границей. Больше всего интересовала (книга уже была задумана) дела и вещи, раскрывающие характер взаимоотношений в современном деловом мире — с советским союзом, взаимоотношения в самом широком смысле. Дореволюционная история России — это копирование западной Европы, слепое подражание Европе. Наша история переключается. Нам не нужно копировать и не нужно подражать. Наша история похищает Европу, и, похищая, рвется к подлинности многих ее отобранных нами средств своей идеи, ставит их на службу своей идеи. Если проводить аналогию, надо будет вспомнить возникновение «новой» Японии или рождение индустриальной Америки. Только содержание иное, только качество не то. Совсем иное, совсем не то.

— Ну, и отсюда трудности писателя. Трудности в работе, — Федин смеется, — трудности, усугубляющиеся тем, что материал течет из-под пальцев. Видишь, как он течет. Материал — в вечном движении, он беспрестанно и неуемно меняется, он меняется с такой поспешностью, что книга, начатая при одной ситуации, пишется при другой и заканчивается при третьей. Можно, конечно, мажорировать. Можно и нужно, и приходится — отбрасывать сугубо-техническое для Европы, для наших дней, чтобы в книге не осталось ничего случайного, умирающего уже сегодня. В конечном счете важен не Гитлер, а фашизм. Можно избрать объектом своего произведения не центральные, а мелкие государства (я взял Голландию), более «экзотические» для писательского воображения и менее подвижные, менее поворотливые в истории. Они являются прекрасным зеркалом, отражающим ту большую политику, которую делают большие державы. Можно в качестве подсобного материала использовать материял и других государств («составить демпинг», базирующийся, забавски, так как в Голландии пока еще не дерутся в пивных кружках, а в Германии дерутся. Можно... Но этого будет мало. Если писатель в работе своей не ухватится — скажем такое слово — за революцию с ясностью ее движений и четкостью перспектив, не будет идти от ее вырвующего — скажем такое слово — и постоянного огня. Я иду от революции и крепко держусь за нее.

«Европеец думает: это — Азия, над Азией проносится азиатские великие бунты. Бунты пронесутся — Азия останется...» Нет, не останется. Уже не останется, потому что не смогла остаться. Страна, называвшаяся прежде Россией, страна, с бабами, рожавшими по-звериному, в кустах на берегу реки, с центрами, с каторжными колесами, ковчегам и трахомой, страна,

в которой сто миллионов едва догадывались о существовании азиатского, будет передовой страной земного шара, передовой по технической культуре, по богатству населения и его здоровью, по уровню культуры, по богатству населения и его здоровью... Федин и Зошенко живут в разных местах Ленинграда. Федин — на проспекте Володарского, Зошенко — по улице Чаковского, почти у самого Таврического сада. Но конец нашей беседы у Федина встретился с началом нашей беседы у Зошенко, будто мы перешли из комнаты в комнату и возобновили прерванный разговор.

— Вечером еду в Выборгский район культуры. Буду выступать. Расскажу чего-нибудь о здоровье, о том, как нужно отдыхать.

— Общественная нагрузка? — Нет. Так пришлось. А тут как раз пишу «О здоровье». О здоровье, как может, слышали. Возвращенная молодость называется.

Глаза и весь вид у Михаила Михайловича — будто он только что проснулся.

— Работая, — говорит он, усаживаясь за стол, засыпанный табач-

ной полнотой. Зошенко составил список (конечно, далеко неполный), насчитывающий несколько сот известных миру, несколько сот людей — огромный интеллектуальный материал — писателей, поэтов, композиторов, артистов, великих художников и ваятелей, великих деятелей политики, науки, техники и искусства.

Исследователь Зошенко выяснил для писателя Зошенко, что люди эти жили половиной жизни. Они умирали — своей или насильственной смертью — в возрасте 35—39 лет, в годы, когда вместо надгробных плит и мемориальных марморов можно давать человечеству более полезные вещи. Если же кто не постигнул участь Шуберта или Бетховена, Пушкина или Гейне, — утверждает Зошенко, — он, начиная с 35—40-летнего возраста, превращается в морального и физического инвалида, ничего не творя и ничего не создавая. Великие открытия приходится на молодые годы. Знаменитый химик Либих к 40 годам прекратил все главные свои открытия. В 35 лет он уже занимался только тем, что писал о приближении смерти или даже призывал смерть. А прожил он 70 лет. Полжизни были прожиты на холостом ходу. И только немногие сумели до старости сберечь ясную голову, здоровье и жажду творчества.

Немногого?

Хорошо бы писателю составить другой список, список тех из великих, кто дожил до старости и до старости плодотворно работал. Навербеть, надо полагать, не меньше.

— Я искал причины, — говорит Зошенко, — Я работал над материалами больше года, а накопивших их начал давно. Я нашел причины, и эти причины привели меня к истокам социальным. И мне (Михаила Михайлович в этом уверяет) стало ясно, что выживали главным образом не идеалисты, а люди с материалистическим пониманием жизни. Мне стало ясно и то, что случайных смертей не было. Все страшно закономерно. Возьмем Пушкина. Я изучал последние три года его жизни (по письмам), три года Пушкина — жуткий неврастеник, о котором его сестра говорила: «Он своей смертью не кончил». За полтора года три вызова на дуэль, а последние два — вещи мрачные, но на этих мрачных вещах я строю сейчас новую повесть о здоровье, о жажде жизни, о радости жизни, о борьбе за продолжение жизни, борьбе, увенчанной успехом, что возможно только у нас, закладывающих новые основы бытия и начинающих смотреть на этот смертный список как на трагический документ далекого прошлого.

Зошенко захватил и увлекла его повесть. Над нею он дьявольски много работает. Небольшая (всего 8 печатных листов), она отнимает у него уйму времени. Не потому, конечно, что Михаил Михайлович привык писать маленькие рассказы и теперь не справляется с новыми материалами, а потому, что для него, масштабам. И не потому даже, что герой его повести несколько выпадает из общей портретной галереи его обычных «героев» (еще более культурных, образованных и даже не «смешной»). Сложность работы, прежде всего, заключается в том, что «Возвращенная молодость» пишется в двух планах. Первый план — беллетристический, рассказ о том, как один советский человек в советских условиях боролся за жизнь, за радость жизни, которая в силу личных качеств этого человека вот-вот могла угаснуть, и какие возможности этой борьбы ему предоставляла советская действительность. Мы не спрашивали писателя, но, надо полагать, что жизнь этого человека в других условиях, расти он из другой почвы, его уже давно не было бы в живых.

Другой план повести — план сносок и примечаний, которые тянутся параллельно беллетристической части и которые писатель непрерывно опубликовал бы в виде публицистических статей и фельетонов, не будь самого рассказа. И вот, эта-то часть, вмещающая в себе огромный научно-исследовательский материал, заставляет писателя чуть ли не целыми днями проживать за письменным столом.

— А все-таки пять листов из восьми уже написано. Это — помимо того, что за последние три года написал много рассказов — малых и больших. Вы знаете, что? — вдруг неожиданно оживляется он, тихо, по-зошенковски, почти робко. — Буду отдыхать. Я внимательно наблюдал за Маяковским. Мы встречались с ним у Мейерхольда, иногда на курорте. Нужно отдыхать. Маяковский только внешне подчинился режиму санатория. В действительности он всегда работал, мозг его безостановочно вращал жернова. А я хорошо знаю законы энергетик.

Законы энергетик, повидимому, неплохо знает и Александр Черненко, автор «Расстрелянных изданий», выходящих вот уже шестым изданием. Отрабатывая свою писательскую восьмилетнюю «курляку» (непреренно каждый день, непременно восемь часов и непременно пять утра), он бросается в кипучую жизнь большого города, его заводов, его дворцов культуры, литературных рабочих кружков. Он умело сочетает писательскую практику с тем, что он вкладывает в понятие «гражданского» «гражданского» обязан» гражданином-общественником.

У этого живого разговорчивого человека всегда где-нибудь заполненное время, рассчитано чуть ли не по минутам. Американец в кофуртке и кургузом пиджаке из Ленинграда. Друзья видят Черненко либо в часы отдыха, либо за рабочим столом какого-нибудь массового отдела, когда он сидит или чистит на ближайшем углу свои башмаки. И потому мало кто знает, какую огромную работу продвигает над собой и над своими рукописями писатель Александр Черненко.

— Теперь все юбилей празднуют: так вот, скоро юбилей мой «Моряны» — каспийской повести. Она еще только пишется. — Да и то лишь часть — в четвертой книжке «Октябрь», а уже скоро будет три года, как я ее пишу. Пишу и боюсь. Боюсь за язык, за героев своих. Хочу, чтобы люди были живые, потому что в повести у меня — любовь и страсти, и... Перечитываю, переделываю, переписываю, опять перечитываю, чтобы снова переделал, а потом опять перечитывал. Проклятый, радостный труд. Но я дорываюсь.

А плуце всего боюсь натурализма, — добавляет он, помолчав, — по натурализму быю, изгоню его отсюда, если удастся заметить. Ты знаешь, если ты возьмешь все пять изданий «Расстрелянных изданий», да добавишь к нему шестое, еще не вышедшее издание, да просмотришь каждое из них, тебе станет видна моя работа над языком, над диалогом, над характером. Нет издания, которое вышло бы без исправлений. А вот гранки моей «Моряны». Смори, что я делал с гранками.

И он извлек из портфеля и положил на стол первые отски повесть, густо и энергично исчерченные чернилами, пестрящие «выкидками», добавлениями, вставками.

— Спрашиваешь — тема какая? Партизанная, если можно так выразиться, тема. Период — до коллективизации, период разоблачения астраханщины — помнишь? — когда «хозяева» орудовали во всю, а руководящие банкротились, а у рабочих стихийно нарастаю движение к коллективизации.

Партизанная тема. Над партизанной темой много и долго работает Слонимский. Полтора года подготовительной работы, когда собиравались и систематизировались исторические материалы, и почти год работы над рукописью, а последние главы еще где-то в «майской перспективе». Роман большой (15 печатных листов), тема большая (об оппозиции), но и сопротивление велико. Автор говорит о строгом своем детстве так: «В моем злосчастном романе об оппозиции» или «мне многое в нем кажется неправильным».

Михаил Леонидович сидит у себя за письменным столом. Сегодня он устроил себе выходной день, потому что только вчера приехал из Москвы — ездил туда по делам оргкомитета. Нужно отдохнуть, и он отдыхает, хотя, кажется, даже вещи в комнате задохнулись от дома (так курят лишь при напряженной работе) и хотя отдохнувшие материалы зовут писателя, но он не идет к телефону и элвондрийский телефон. На столе — порядок, перья — сухие, но из выдвинутого наполненного ящика лезут, топорщась, бумаги.

— Это у меня отлеживается здесь Левин, «Повесть о Левине», она у меня сейчас «под паром». Взойдет хорошо — материалов целый ящик — мюнхенских, берлинских. Главная — роману об оппозиции не мешают. Вот закончу в мае роман, тогда без передежки — за Левин.

Говорим о языке, о «Поднятой цепи», о Герасимовой, о Фадееве, но разговор не спорится, разговор сползает к роману об оппозиции. И, вспоминая «в моем злосчастном романе» начинаю понимать, почему Левин так смирный и почему повесть не мешает роману.

Все мысли писателя заняты сейчас романом — вот почему.

«Мне многое в нем кажется неправильным».

Что это? Боюсь неудачи?

А вот увидим.

«Мечта росла, обростала мысля-

Рис. А. КОСТОМОЛЦКОГО

М. Зошенко

ми, поступками, делами, книгами, знакомствами, дружбами, ученичеством и учительством, и уже в ней стал весь смысл существования. Потому что самое замечательное в жизни и в людях всех времен и народов — это надежда на лучшее, мечта о жизни справедливой и правильной».

Это — из романа. Это — об основном герое Викторе. Это — то, что, по мнению писателя, выражает настроение романа, определяет ключ, в котором написана книга, если только маленький отрывок из рукописи способен выразить и определить. Писатель в процессе работы над рукописью пришлось изучить громадное количество исторического материала. Писатель убедился, что центральный герой нашего времени в литературе до сих пор очень часто остается вне политической своей биографии. С неизбежностью пуста должна быть заполнена. Первые попытки трудны, а иногда и неудачны, и отсюда — законное беспочвенство.

Роман об оппозиции — книга политическая биографическая (политическая биография героев — политическая биография страны, — говорит писатель), книга, в которой люди действуют на фоне исторических событий. «Поднять» тему, в которой один человек в политической своей биографии до справедливого и правильного оправдания «всего смысла существования» большевика, а другие по логике оппозиционной борьбы становятся контрольно-революционеры, несмотря на то, что в начале романа были коммунистами, «поднять» такую тему дело не легкое, и хорошо справиться с ней — значит преодолеть то «каменное сопротивление», о котором настойчиво и горючо говорит Михаил Слонимский. Писатель взялся за большую, ответственную тему, являющуюся для него политическим экзаменом. Выдержит ли он экза-

- ЛЕНИНГРАД, 23 АПРЕЛЯ 1933 ГОДА
- К. Федин: «Европеец думает: это Азия, над Азией проносится азиатские великие бунты — бунты пронесутся, Азия останется... Но цивилизация давно стала поворачиваться к Европе, ватой для ушей. Происходит смена миров...»
  - М. Зошенко: «Пишу сейчас новую повесть о здоровье, о жажде жизни, о радости жизни, о борьбе за продолжение жизни...»
  - А. Черненко: «Теперь все юбилей празднуют. Так вот скоро юбилей мой «Моряны» — каспийской повести. Скоро будет три года, как я ее пишу...»
  - М. Слонимский: «Убедился, что центральный герой нашего времени в литературе до сих пор очень часто остается вне политической своей биографии. С неизбежностью пуста должна быть заполнена...»
  - Н. Тихонов: «Я против формализма, трюкачества, при котором литература уже теряет свой основной смысл и свое назначение...»

ним пеплом. — Сегодня целый день работал. Вы меня застали за работой.

Зошенко читал в биографии больших людей, из тех, что умерли рано, и из тех, что рано прекратили общественно-полезную деятельность. Он проследил даты рождения и смерти, проследил события, годы расцвета и упадка их творческой деятельности. Заев за книги и архивные материалы, и составил перечень смелых, изучив их прямые и косвенные причины. Цифры и выкладки статистика Зошенко открыли писателю много, что все мы давно знали, но что никогда еще не трогало нашего писателя такой подчеркнутой сгущен-

Рис. А. КОСТОМОЛЦКОГО

А. Черненко

ной полнотой. Зошенко составил список (конечно, далеко неполный), насчитывающий несколько сот известных миру, несколько сот людей — огромный интеллектуальный материал — писателей, поэтов, композиторов, артистов, великих художников и ваятелей, великих деятелей политики, науки, техники и искусства.

Исследователь Зошенко выяснил для писателя Зошенко, что люди эти жили половиной жизни. Они умирали — своей или насильственной смертью — в возрасте 35—39 лет, в годы, когда вместо надгробных плит и мемориальных марморов можно давать человечеству более полезные вещи. Если же кто не постигнул участь Шуберта или Бетховена, Пушкина или Гейне, — утверждает Зошенко, — он, начиная с 35—40-летнего возраста, превращается в морального и физического инвалида, ничего не творя и ничего не создавая. Великие открытия приходится на молодые годы. Знаменитый химик Либих к 40 годам прекратил все главные свои открытия. В 35 лет он уже занимался только тем, что писал о приближении смерти или даже призывал смерть. А прожил он 70 лет. Полжизни были прожиты на холостом ходу. И только немногие сумели до старости сберечь ясную голову, здоровье и жажду творчества.

Немногого?

Хорошо бы писателю составить другой список, список тех из великих, кто дожил до старости и до старости плодотворно работал. Навербеть, надо полагать, не меньше.

— Я искал причины, — говорит Зошенко, — Я работал над материалами больше года, а накопивших их начал давно. Я нашел причины, и эти причины привели меня к истокам социальным. И мне (Михаила Михайлович в этом уверяет) стало ясно, что выживали главным образом не идеалисты, а люди с материалистическим пониманием жизни. Мне стало ясно и то, что случайных смертей не было. Все страшно закономерно. Возьмем Пушкина. Я изучал последние три года его жизни (по письмам), три года Пушкина — жуткий неврастеник, о котором его сестра говорила: «Он своей смертью не кончил». За полтора года три вызова на дуэль, а последние два — вещи мрачные, но на этих мрачных вещах я строю сейчас новую повесть о здоровье, о жажде жизни, о радости жизни, о борьбе за продолжение жизни, борьбе, увенчанной успехом, что возможно только у нас, закладывающих новые основы бытия и начинающих смотреть на этот смертный список как на трагический документ далекого прошлого.

Зошенко захватил и увлекла его повесть. Над нею он дьявольски много работает. Небольшая (всего 8 печатных листов), она отнимает у него уйму времени. Не потому, конечно, что Михаил Михайлович привык писать маленькие рассказы и теперь не справляется с новыми материалами, а потому, что для него, масштабам. И не потому даже, что герой его повести несколько выпадает из общей портретной галереи его обычных «героев» (еще более культурных, образованных и даже не «смешной»). Сложность работы, прежде всего, заключается в том, что «Возвращенная молодость» пишется в двух планах. Первый план — беллетристический, рассказ о том, как один советский человек в советских условиях боролся за жизнь, за радость жизни, которая в силу личных качеств этого человека вот-вот могла угаснуть, и какие возможности этой борьбы ему предоставляла советская действительность. Мы не спрашивали писателя, но, надо полагать, что жизнь этого человека в других условиях, расти он из другой почвы, его уже давно не было бы в живых.

Другой план повести — план сносок и примечаний, которые тянутся параллельно беллетристической части и которые писатель непрерывно опубликовал бы в виде публи-

цистических статей и фельетонов, не будь самого рассказа. И вот, эта-то часть, вмещающая в себе огромный научно-исследовательский материал, заставляет писателя чуть ли не целыми днями проживать за письменным столом.

— А все-таки пять листов из восьми уже написано. Это — помимо того, что за последние три года написал много рассказов — малых и больших. Вы знаете, что? — вдруг неожиданно оживляется он, тихо, по-зошенковски, почти робко. — Буду отдыхать. Я внимательно наблюдал за Маяковским. Мы встречались с ним у Мейерхольда, иногда на курорте. Нужно отдыхать. Маяковский только внешне подчинился режиму санатория. В действительности он всегда работал, мозг его безостановочно вращал жернова. А я хорошо знаю законы энергетик.

Законы энергетик, повидимому, неплохо знает и Александр Черненко, автор «Расстрелянных изданий», выходящих вот уже шестым изданием. Отрабатывая свою писательскую восьмилетнюю «курляку» (непреренно каждый день, непременно восемь часов и непременно пять утра), он бросается в кипучую жизнь большого города, его заводов, его дворцов культуры, литературных рабочих кружков. Он умело сочетает писательскую практику с тем, что он вкладывает в понятие «гражданского» «гражданского» обязан» гражданином-общественником.

У этого живого разговорчивого человека всегда где-нибудь заполненное время, рассчитано чуть ли не по минутам. Американец в кофуртке и кургузом пиджаке из Ленинграда. Друзья видят Черненко либо в часы отдыха, либо за рабочим столом какого-нибудь массового отдела, когда он сидит или чистит на ближайшем углу свои башмаки. И потому мало кто знает, какую огромную работу продвигает над собой и над своими рукописями писатель Александр Черненко.

— Теперь все юбилей празднуют: так вот, скоро юбилей мой «Моряны» — каспийской повести. Она еще только пишется. — Да и то лишь часть — в четвертой книжке «Октябрь», а уже скоро будет три года, как я ее пишу. Пишу и боюсь. Боюсь за язык, за героев своих. Хочу, чтобы люди были живые, потому что в повести у меня — любовь и страсти, и... Перечитываю, переделываю, переписываю, опять перечитываю, чтобы снова переделал, а потом опять перечитывал. Проклятый, радостный труд. Но я дорываюсь.

А плуце всего боюсь натурализма, — добавляет он, помолчав, — по натурализму быю, изгоню его отсюда, если удастся заметить. Ты знаешь, если ты возьмешь все пять изданий «Расстрелянных изданий», да добавишь к нему шестое, еще не вышедшее издание, да просмотришь каждое из них, тебе станет видна моя работа над языком, над диалогом, над характером. Нет издания, которое вышло бы без исправлений. А вот гранки моей «Моряны». Смори, что я делал с гранками.

И он извлек из портфеля и положил на стол первые отски повесть, густо и энергично исчерченные чернилами, пестрящие «выкидками», добавлениями, вставками.

— Спрашиваешь — тема какая? Партизанная, если можно так выразиться, тема. Период — до коллективизации, период разоблачения астраханщины — помнишь? — когда «хозяева» орудовали во всю, а руководящие банкротились, а у рабочих стихийно нарастаю движение к коллективизации.

Партизанная тема. Над партизанной темой много и долго работает Слонимский. Полтора года подготовительной работы, когда собиравались и систематизировались исторические материалы, и почти год работы над рукописью, а последние главы еще где-то в «майской перспективе». Роман большой (15 печатных листов), тема большая (об оппозиции), но и сопротивление велико. Автор говорит о строгом своем детстве так: «В моем злосчастном романе об оппозиции» или «мне многое в нем кажется неправильным».

Михаил Леонидович сидит у себя за письменным столом. Сегодня он устроил себе выходной день, потому что только вчера приехал из Москвы — ездил туда по делам оргкомитета. Нужно отдохнуть, и он отдыхает, хотя, кажется, даже вещи в комнате задохнулись от дома (так курят лишь при напряженной работе) и хотя отдохнувшие материалы зовут писателя, но он не идет к телефону и элвондрийский телефон. На столе — порядок, перья — сухие, но из выдвинутого наполненного ящика лезут, топорщась, бумаги.

— Это у меня отлеживается здесь Левин, «Повесть о Левине», она у меня сейчас «под паром». Взойдет хорошо — материалов целый ящик — мюнхенских, берлинских. Главная — роману об оппозиции не мешают. Вот закончу в мае роман, тогда без передежки — за Левин.

Говорим о языке, о «Поднятой цепи», о Герасимовой, о Фадееве, но разговор не спорится, разговор сползает к роману об оппозиции. И, вспоминая «в моем злосчастном романе» начинаю понимать, почему Левин так смирный и почему повесть не мешает роману.

Все мысли писателя заняты сейчас романом — вот почему.

«Мне многое в нем кажется неправильным».

Что это? Боюсь неудачи?

А вот увидим.

«Мечта росла, обростала мысля-

мен до конца или кое в чем сомневается — читатель увидит это потом, когда роман появится в журнале (а читатель, надо полагать, будет у Слонимского взискательным).

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Рис. А. КОСТОМОЛЦКОГО

М. Слонимский

мен до конца или кое в чем сомневается — читатель увидит это потом, когда роман появится в журнале (а читатель, надо полагать, будет у Слонимского взискательным).

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Теперь же оставим писателя за его рукописью. Пусть пишет. Пусть даже тревожится. Беспокойство Слонимского не от предчувствия неудачи. Там, где линия наибольшего сопротивления — там не может быть умиротворенности, ибо там борьба, драка с материалом.

А мы пройдем на Петроградскую сторону с последним нашим «новогородным визитом». Там живет человек, который будет говорить как раз об этой линии наибольшего сопротивления в творческом труде писателя, линии, обеспечивающей идейную глубину, художественную выразительность и действительную значимость произведения.

Николай Тихонов говорит быстро, не запинаясь и не задерживаясь, и трубка его помпозно гаснет. Это не скороговорка. Так говорят люди, много переумавшие, у которых мысли созрели и уже наготове, которым есть что сказать так, как иному прочесть законченную, хорошо обдуманную статью. И Николай Семенович, к слову сказать, пишет сейчас статью.

Он пишет статью о литературе, как о труде («Это должен быть очень организованный труд, труд не по-рыцарски, не «вдохновенный», непрерывные работы обязательное условие — материал надо изучать со страшной настойчивостью»).

Приплетает же и «Литературную газету», Николай Семенович!

Вот о чем и вот как, примерно, говорит на Тихонов, Николай Семенович.

Когда берешь литературу буржуазного Запада, идущую по линии деградации, и когда берешь — для контраста — нашу советскую литературу — видишь, что наша литература не выдумана, мы стремимся к суровости, правде, к суровой и строгой простоте. Я лично проходил в свое время через какие угодно свои вехи. Через мистические даже. И вот теперь вижу перед собой одну неизбежную, одну необходимую, одну строгоую линию — суровую правду.

И это страшно ответственно — жить не за дымовой завесой эстетизма.

У каждого писателя есть темы, только ему присущие, и в пределах его тем — огромные пространства возможностей. Вот тема советского Востока, которая давно и безвыходно стоит в моем плане. Я много писал о Востоке — стихов, рассказов, — но этого мало. Мне хочется написать, и я напишу, книгу об одной нашей восточной республике, в которой покажу ее от самого «низкого» до самого «высокого», от пастиха колхозного стада до председателя ЦИК, всю ее жизнь, все грани этой жизни. Другая тема — военная, над которой я хочу работать. В пределах тем писателя — огромные пространства возможностей. Мои темы о войне и республике соединяются, могут соединиться (громадное протяжение границ, борьба с басмачеством), и я их соединю. По линии военной же темы я напишу книгу о латышских стрелках — меня интересует самый исход тысяч людей, путь их сквозь всю революцию. И это — не только мои желания. Тема о республике — уже в периоде накопления и изучения материалов.

Как писать? Как работать над книгой? — Вот вопрос, который волнует сейчас меня. Я против формализма, трюкачества, при котором литература уже теряет свой основной смысл и свое назначение (скажем, «Маски» А. Белого). Но я за жесткую борьбу за овладение формой. Вещь должна быть изложена языком простым и ясным, и главное —

Важным языком, чтобы он сохранился, И, конечно, нужно знание материала, знание того, как материал входит в эпоху. Можно каким-нибудь сюжетным произведением

Рис. А. КОСТОМОЛЦКОГО

Н. Тихонов

изложить любопытный случай. Но ведь дело-то не в конкретной развязке, не в шелкающем французском замке (шелкнул, ну и ладно). Скажем, Балзак. Он сюжетен. Но его сюжет не оторван от положений жизни, все его люди приращены к эпохе так, что все его люди эпоха. По результату «Поднятая цепь» Шолохова, это значительное произведение, все же не есть с этой точки зрения «решение эпохи». Это только крылья эпохи, как-то часть.

Нам надо работать над отточением прозы мыслью, дьявольски здорово работать. Здесь именно нужна линия сопротивления.

Николай Тихонов сидит сейчас за рукописью второй книги рассказов. Он считает, что в первой книге — «Рискованный человек» — был только разведывательный материал, да и во вторую книгу он смотрит только как на разбег, на подготовку, на учебный материал, ибо —

— надо овладеть формой, и формой архаич.

Тихонов только акцентировал то волнующее, о чем говорили все наши собеседники. Неудовольствие результатами своих часто многостраничных трудов; повышенная ответственность и даже настоятельная потребность в себе; опасения, даже тревога за результат своего творчества; сетование на то, что в писательской среде бояться читать друг другу, а если читают, то обязательно хвалят; ярко выраженное сознание ответственности; упористая работа над подготовкой и изучением материала, часто удобряющаяся работой ученого исследователя; настойчивые поиски «главного» слова; бесконечные переделки того, над чем было немало поработано, — не достаточно ли пока уже одного этого, чтобы различить в жизни и творческой практике нашего писателя некое новое качество? Писатель начал дерзнуть. Он уже идет на «производительный риск». И если он в практике своей, сидя за рукописью, иногда расхотится со своими «новыми планами», то умалит ли это значение того, что он начинает сейчас глубоко продумывать и о чем пишет сейчас заявлять?

Рукопись еще не книга. Посмотрим, какая будет книга. Возможно, о ней придется сказать не то или не совсем то слово, какое хотелось бы сказать нашей критике. Что ж. Там, где «производительный риск», там и «производительные издержки». Без них не обойтись. Речь идет о писателе, который еще будет сидеть за рукописью, а не уже отсидел за рукописью. Речь идет о писателе, который появился у нас (именно так) после прошлогоднего исторического апреля.

ПОСТАВИТЬ С ГОЛОВЫ НА НОГИ

НАЧАЛО СМ. НА 2 СТРАНИЦЕ

вается и преодолевает именно то-
стовскую форму, которая якобы
должна быть целиком отброшена
как слишком устаревшая. Преодоле-
вать предлагается, в крайнем слу-
чае, предлагать себе литературное
поколение, а еще лучше современ-
ное себе западное поколение. И по-
этому простой причине: эпоха им-
периализма ближе к эпохе социа-
лизма, чем все остальные стало
быть, и литературные формы, вы-
работанные в эту эпоху, могут
быть с большим успехом использо-
ваны пролетарскими социалистиче-
скими писателями, чем наследие
предыдущих эпох. Здесь снова чи-
сто формальный, хронологический
подход. Не учитывается, какой
класс или классовая прослойка в
какой период своей жизни выдвигала
данную форму, обусловленную
соответственной идеологией. Забы-
вается, что пролетариат является
наследником всего лучшего, что
было в предшествующих нам дворян-
ской и буржуазной культурах и
что не всегда в развитии культуры
последующее было лучшим, ибо
развивалась культура неравномерно.
Забывается, что в жизни социали-
стических классов бывают периоды,
когда они бесцельно создают культу-
ру, но ни былой жизнеспособности и
объективной идеологии, когда в связи
с этим начинается и распад форм.

Здесь снова, конечно, нельзя по-
ложить слишком упорно, полагая,
что все выработавшееся в этот
период должно нами быть отвергну-
то. Буржуазные капиталистиче-
ское общество в процессе своего
распада и разложения дает различ-
ные продукты этого распада. Нель-
зя забывать и такого марксова «па-
радокса», как то, что пролетариат
как класс является продуктом рас-
пада других классов.

Различные прослойки распадаю-
щегося буржуазного капиталистиче-
ского общества, испытывая в своем
художественном творчестве распад
формы, в то же время давая различ-
ное содержание, различную идеологию,
по-разному испытывают и этот распад.
И в творчестве представителей социаль-
ных прослоек, разоряющихся, гибнущих и по-
терявших надежду найти выход на
пути капиталистического развития,
следовательно, резко критические
настроения по отношению к бур-
жуазно-капиталистическому обществу,
конечно, можно найти очень
много элементов, которые вполне
могут быть использованы советскими
писателями. Однако при обяза-
тельном условии критического отбо-
ра и критического преодоления их.
Ибо черты, неизбежно свойствен-
ные идеологии гибнущих, разоряю-
щихся мелкобуржуазных прослоек,
еще не вполне слитых с пролетари-
атом, и борьба против традиционных
застывших театральных форм, со-
вершившего свой поход почти по
всей России, вездь вызывавшего не-
навидист старое реакционного по-
коления художественной интелли-
генции и любовь молодежи, готовой
экспериментировать по пути новых
исканий и экспериментов.

Театральная Москва помнит его
работу и постановку в Московском
Художественном театре «У жизни в
лапах», постановки созданного им
Свободного театра (1913—14 гг.),
как большого синтетического теат-
ра, работавшего над всеми жанрами
театрального искусства. Большие
победы одного сезона и крах
мечтаний Марджанова с наступле-
нием империалистической войны.

вникал и идеолога этого загниваю-
щего и катящегося к гибели капитали-
стического общества. И раннее
творчество Маяковского, хотя и не
было пролетарским, но будучи глу-
боко органическим и принципиаль-
но революционным, вовсе не дол-
жно было, не могло быть и не бы-
ло отброшено всей советской поэ-
зией, так как уже и в нем были
элементы нового содержания и бы-
ла новая форма, отражающая все
ближе к приближению к идеалам
пролетариата. Вряд ли найдется
кто-нибудь, кто не согласен, что не
только территориально, а по суще-
ству, который мог бы писать
сейчас так, как он пишет, если бы
в поэзии не существовало Маяков-
ского. Влияние Маяковского на со-
ветскую и пролетарскую поэзию
неоспоримо, а его творчество и
форма вырабатывались им тем не
менее в недрах капиталистического
общества, против которого он бун-
товал. Правда, форма Маяковского
не застыла, она совершенствовалась,
насыщалась революционным
содержанием, менялась и обогащалась.
И революция научила Маяков-
ского правильно относиться к куль-
турному наследию, которое он пе-
ребрал, пережил и критическому
отбору всего ценного, что в нем
было. В связи с этим и со стили-
змом Маяковского надо доложить
вещь своего читателя, которого
он, наконец, нашел в пролетариате,
в творчестве Маяковского произой-
дило изменение. Они сделали форму
Маяковского совершеннее, содержа-
тельное и проще той сложной про-
стой, которая достигалась в ре-
зультате громадной работы по кри-
тическому усвоению всей прошлой
человеческой культуры. Этого до-
сих пор никак не могут понять люди,
читающие себя учениками Маяков-
ского, объявляющие отступле-

нием от Маяковского то, к чему
пришел Марковский, и путь, кото-
рый после его смерти пролегла
советская поэзия. Но во всяком слу-
чае нельзя сказать, как сейчас при-
ято у некоторых критиков в борь-
бе с «новаторством» и «западнич-
ством», что поскольку была дей-
ствительность выше действительности
капиталистической, то почему нам
у них учиться. Капиталистическая
действительность неоднородна, а
эту действительность входит борьба
западного революционного проле-
тариата и идущей за ним револю-
ционной мелкой буржуазии, а они
могут дать форму, которую обяза-
тельно учесть в своей учебе совет-
скому писателю.

Итак, возвращаясь к вопросам,
поставленным в начале статьи, и
суммируя все сказанное, надо четко
сказать писателям.

Вся постановка вопроса о «запад-
ничестве» и «почвенничестве» не-
верна и вредна, ибо она подменяет
формальным делением основной и
решающий критерий классового на-
равления, мировоззрения и творче-
ского метода писателя.

Отрицание необходимости поис-
ков новой формы, ограничения учеб-
ных писателей использованием опы-
та классиков, представление о всех
так называемых «новаторах»,
как о «молодых людях из окруже-
ния Шкловского», неправильно, ибо
среди «молодых людей» есть целый
ряд писателей, создающих новую
форму советской литературы форму
на основе нового содержания.

Вместе с тем нужно продолжать
решительную борьбу и разоблаче-
ние формалистического трюкачества,
прикрывающего реакционно-
идеалистическое содержание крика-
ми об устаревших формах и отступ-
лении нашей литературы к старым
канонам.

ПАМЯТИ К. А. МАРДЖАНОВА

В разгар творческой работы на
своем боевом посту, ведя репети-
ции «Дон-Карлоса» в Малом театре
и параллельно репетиции «Легучий
мыш» в Театре оперетты, система-
тически наблюдал за работой и вы-
ступлением опереточных премьер в Тиф-
лисе Константин Александрович
Марджанов, один из крупнейших
художников нашей эпохи, отдал-
ший театру больше 40 лет своей
творческой жизни.

К. А. Марджанов знает дорево-
люционную театральную Россию как
крупного режиссера-новатора, бун-
таря и борца против традиционных
застывших театральных форм, со-
вершившего свой поход почти по
всей России, вездь вызывавшего не-
навидист старое реакционного по-
коления художественной интелли-
генции и любовь молодежи, готовой
экспериментировать по пути новых
исканий и экспериментов.

Театральная Москва помнит его
работу и постановку в Московском
Художественном театре «У жизни в
лапах», постановки созданного им
Свободного театра (1913—14 гг.),
как большого синтетического теат-
ра, работавшего над всеми жанрами
театрального искусства. Большие
победы одного сезона и крах
мечтаний Марджанова с наступле-
нием империалистической войны.

У лирики специфическая роль.
Она частное, «интимное», субъектив-
но-психологическое должно зна-
чительно общественно звучимым и зна-
чимым (не отказываясь от этого
частного, индивидуального), ибо
только в этом случае поэт при-
носит обществу пользу, обращая
его внимание на свою собственную
частную и психическую жизнь.

Все эти мысли невольно теснятся
в голове, когда читаешь «отдель-
ные» поэмы в наших журналах.

Я просмотрел заново номера с
мая 1932 года по сегодняшним
днем, исходя из того, что апрель-
ское постановление ЦК ВКП(б)
должно было в какой-то мере за-
острить вопрос о редакционной на-
правляющей работе в области поэ-
зии. Выводы весьма печальные.
Принимая характерно, что столь
важное положение с нашей поэ-
зией в журналах не находится в
соответствии с фактическим поло-
жением на поэтическом фронте. Ис-
текший год дал много интересного
и значительного. Активизировалось
творчество рабочих-поэтов (Смея-
лов, Резников и др.), вышли значи-
тельные книги Ватрицкого, Луто-
вского, Прокофьева, газеты выбра-
ли много интересных стихов Асе-
ва и многих других.

Можно со всей ответственностью
сказать, что поэтический отделов
в обозреваемых журналах фактиче-
ски нет. Налицо случайный подбор,
вернее, в большинстве случаев
очень сомнительного художествен-
ного достоинства и часто вредной
идеологической. Отсутствие подлин-
но общественно-редакционной ра-
боты журналов в области поэзии
создает ложное, искривленное пред-

ставление о положении в ней, де-
зорентирует и часто ведет читате-
ля назад, а не вперед. («Писатель-
ское понимание лирики (конечно,
с уточнениями) для нашего време-
ни» нет и в помине.

Это не означает, что за истек-
шие в этих журналах не прошли
значительные поэтические поиски.
Конечно, они есть. Но они явно
пробиваются в порядке редакцион-
ного самоката, ибо количественно их
захватывают мутные потоки «гла-
водействительных», с одной стороны,
и художественно ничемных или
идеологически сомнительных или
вредных стихов, с другой.

В активе надо отметить «Поэму
о любви» («Новый мир») Безземе-
ного; темой которой является тра-
гическое социальное противоречие
между революционным значением
поэзии Маяковского, вообще ролью
поэты в нашей действительности и
выстрелом 14 апреля 1930 года. По-
эма проникнута высоким больше-
вистским пафосом, в ней тесно, ор-
ганически переплетены лиричность
с публицистичностью. «Последняя
ночь» Э. Баргирского, говорящая
о дальнейшем художественном и со-
циальном росте этого большого ма-
стера. Стихи Лутовского, Асева
(очень немногочисленные). Из мо-
лодых имен останавливают внима-
ние «Разговор с товарищем К. Ал-
таевского» («Октябрь», № 4, 1932),
лирическое превращение вопроса о
важности коня наряду с трактором,
коня, противопоставляемого старой
российской конюшне; отрывки из по-
эмы «Лингва» Н. Неолова («Но-
вый мир», № 6, 1932) — гражданская
война на севере; «Ять» Льва Дига-
ча («Новый мир», № 12, 1932) —
большое стихотворение, очень ин-
тересное композиционно, образно,
стремящееся воплотить социальную
сущность «Ять», через тематиче-
ское раскрытие навязших в зубах
у дореволюционных школьничков
злых исключений: «гнезда, седла,
леса, приобле». Производственный
роман о хохлеке «В гостях у
египтян» Г. Санникова («Новый
мир»), обнаруживающий известный
перелом в творчестве этого поэта.
Несколько размышлений, а иногда
эстетская аристократия, а иногда
в этом романе поэт делает по-
пытку социально-производственно-
го опосредствования своей лично-
сти. Вот и все. Для осторожности
(ибо берем все же на выборку) ска-
жем: почти все.

Я пройду мимо самого многоче-
ленного во всех журналах разряда
стихов того типа, от которого ни-
кому ни тепло, ни холодно. Напо-
минают они собой мятную жижи-
ну, проползающую уныло одинако-

человека, который был бедными
сужден на смерть.
Через три года после установле-
ния советской власти в Грузии
Марджанов является первым руко-
водителем первого советского теат-
ра Грузии, своим огромным опы-
том и недюжинными способностями
мобилизовав все живые творческие
силы вокруг себя для создания
большой театральной культуры.
Огромная работа, проведенная в
театре им. Руствели, воспитание
целого поколения творческих сил,
исходивших из народа. И государ-
ственного театра своего имени, це-
лый ряд лучших постановок. И в
Оперном театре и в Театре русской
драмы в Тифлисе подняли театраль-
ную культуру в Грузии на большую
высоту.

Сегодня в 11 ч. Марджанов на-
всегда оставит стены Малого теат-
ра, в котором еще продолжает по
его замыслу генеральные репети-
ции «Дон-Карлоса», и театр, вы-
полнив последний долг, осуществит
эту постановку в намеченный срок.
С сознанием великой потери гру-
зинская общественность и многочи-
сленные ученики примут его прах,
чтобы отдать последний долг па-
мяти крупнейшего художника,
большого человека и чуткого учи-
теля, народного артиста республи-
ки К. А. Марджанова.

И если сейчас ленинградский ор-
ганкомитет признает малоудовлетви-
тельную работу РЛУ, виноват в
этом и он. Должны быть созданы
условия, обеспечивающие качество
работы. Мероприятия по укрепле-
нию состава учащихся и препода-
вателей, пересмотр программ,
улучшению бытовых условий рабо-
ты — на днях намечены президиумом
ленинградского оргкомитета.

М. В. Б. Р.

ЮБИЛЕИ М. С. ШАГИНЯ

19 апреля в помещении оргкоми-
тета литературная и советская об-
щественность чувствовала творче-
ский юбилей писательницы М. С.
Шагиня. Открывая собрание, т.
Кирпотин сказала, что М. С. являет-
ся одним из культурных мастеров
художественного слова. Основное
ее достоинство в том, что наравне
с знаниями в области литературы
писательница владеет большими по-
знаниями и в области теории. Три-
дцатилетний творческий путь с
ошибками и победами привел М. С.
в ряды передовых советских пи-
сателей. Полный расцвет ее литера-
турных талантов произошел только
благодаря Октябрьской революции.

В большом докладе т. Ермилов
показал путь идейно-художествен-
ного развития юбиляра. На анали-
зе отдельных произведений доклад-
чик вскрыл кризис мировоззрения
М. С. От реалистического пантеизма,
гетематства, идеалистических блуж-
даний к признанию диктатуры про-
летариата, диалектического мате-
риализма, социалистического реал-
изма — вот этапы этого развития.

РЛУ ПИСЬМА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Возлагая большие и ответствен-
ные задачи на Рабочий литератур-
ный университет, факт организации
которого является несомненным до-
стижением оргкомитета ЛенССП,
литературная общественность не
обеспокоена рабочему литуниверси-
тету условия для нормальной ра-
боты, не обеспечила качества литера-
турно-творческой среды.

Итого закончившегося обследо-
вания РЛУ явились для многих ле-
нинградских писателей членом ор-
ганкомитета далеко не приятной
неожиданностью, и эти неожиданные
итоги показали всю недоста-
точную связь, недостаточное руко-
водство Рабочим литуниверситетом
со стороны ленинградского орго-
митета.

В РЛУ произошел большой отсев
слушателей: 144 человека, считаясь
сейчас в списках, — половина
первоначального числа учащихся.
О «бытовых» и «академических»
причинах, обусловивших уход слу-
шателей из РЛУ, мы скажем ниже.

Но одной из основных причин
«отлива» явилось то, что и «при-
лив» в РЛУ был достаточно сти-
хий; мы имели самолет слушате-
лей, от которых не требовалось ни-
каких путевок и направлений от
общественных организаций, лит-
кружков; поступающим в РЛУ не
предъявлялись никакие требования
общественно-педагогического и ли-
тературно-творческого порядка. И в
Рабочий литуниверситет приходили
всякий, желавший «стать писате-
лем», независимо от того, ств ли у
него данные для литературно-
творческой работы и позволяет ли
ему общеобразовательная подго-
товка усваивать лекции и доклады
преподавателей РЛУ. Среди уча-
щихся одних и тех же групп РЛУ
мы находим и людей с первоначаль-
ным образованием, и людей,
окончивших высшие учебные за-
ведения. Рабочий в Рабочем литуни-
верситете оказалось всего 40 уч-
щихся, 33 проц. составляли слушатели,
остальные — учащиеся других кур-
сов, школ, техникумов.

Самым крепким местом в работе
РЛУ должен был быть творческий
семинар крупнейших ленинградских
писателей, однако, писатели не все-
гда обеспечивали семинар... своим
присутствием. Слабость дисципли-
ны, страдания у слушателей, и препо-
даватели и слушатели, только 50
проц. которых посещают занятия
университета.

И если сейчас ленинградский ор-
ганкомитет признает малоудовлетви-
тельную работу РЛУ, виноват в
этом и он. Должны быть созданы
условия, обеспечивающие качество
работы. Мероприятия по укрепле-
нию состава учащихся и препода-
вателей, пересмотр программ,
улучшению бытовых условий рабо-
ты — на днях намечены президиумом
ленинградского оргкомитета.

И если сейчас ленинградский ор-
ганкомитет признает малоудовлетви-
тельную работу РЛУ, виноват в
этом и он. Должны быть созданы
условия, обеспечивающие качество
работы. Мероприятия по укрепле-
нию состава учащихся и препода-
вателей, пересмотр программ,
улучшению бытовых условий рабо-
ты — на днях намечены президиумом
ленинградского оргкомитета.

И если сейчас ленинградский ор-
ганкомитет признает малоудовлетви-
тельную работу РЛУ, виноват в
этом и он. Должны быть созданы
условия, обеспечивающие качество
работы. Мероприятия по укрепле-
нию состава учащихся и препода-
вателей, пересмотр программ,
улучшению бытовых условий рабо-
ты — на днях намечены президиумом
ленинградского оргкомитета.

И если сейчас ленинградский ор-
ганкомитет признает малоудовлетви-
тельную работу РЛУ, виноват в
этом и он. Должны быть созданы
условия, обеспечивающие качество
работы. Мероприятия по укрепле-
нию состава учащихся и препода-
вателей, пересмотр программ,
улучшению бытовых условий рабо-
ты — на днях намечены президиумом
ленинградского оргкомитета.

И если сейчас ленинградский ор-
ганкомитет признает малоудовлетви-
тельную работу РЛУ, виноват в
этом и он. Должны быть созданы
условия, обеспечивающие качество
работы. Мероприятия по укрепле-
нию состава учащихся и препода-
вателей, пересмотр программ,
улучшению бытовых условий рабо-
ты — на днях намечены президиумом
ленинградского оргкомитета.

И если сейчас ленинградский ор-
ганкомитет признает малоудовлетви-
тельную работу РЛУ, виноват в
этом и он. Должны быть созданы
условия, обеспечивающие качество
работы. Мероприятия по укрепле-
нию состава учащихся и препода-
вателей, пересмотр программ,
улучшению бытовых условий рабо-
ты — на днях намечены президиумом
ленинградского оргкомитета.

И если сейчас ленинградский ор-
ганкомитет признает малоудовлетви-
тельную работу РЛУ, виноват в
этом и он. Должны быть созданы
условия, обеспечивающие качество
работы. Мероприятия по укрепле-
нию состава учащихся и препода-
вателей, пересмотр программ,
улучшению бытовых условий рабо-
ты — на днях намечены президиумом
ленинградского оргкомитета.

Десятилетие

Журнально-газетного объединения

Исполнилось 10 лет со дня осно-
вания советского журнала и изда-
тельства «Огонек», ныне Журналь-
но-газетного объединения.
Мих. Кольцов, Е. Зюзя, Э. Го-
лованов основали в 1923 г. иллюстри-
рованный журнал «Огонек». Рост
интереса к журналу, вызвавший
увеличение тиражей, дал возмож-
ность «Огоньку» широко развер-
нуть свою работу. Через три года
вокруг журнала было создано ак-
ционерное издательское общество
«Огонек», начавшее выпускать та-
же массовую библиотечку «Огонек»
и журнал «Советское фото». Еще
через три года «Огонек» приступил
к строительству журнально-газет-
ной фабрики, полиграфической ба-
зы, которая способна была бы удо-
влетворить возрастные нужды боль-
шого издательства. К этому вре-
мени количество изданий «Огонек»
значительно увеличилось, и в
1931 году издательство «Огонек»
реорганизуется в Журнально-газет-
ное объединение, в типизированное
издательство массовых литератур-

ных и технических журналов и га-
зет — органов политико-просвети-
тельных и научных организаций, а
также добровольных обществ.
С момента реорганизации усиле-
но развивается интернациональная
работа издательства. Начинает вы-
ходить ряд изданий, информирую-
щих зарубежную общественность,
иностранных специалистов, живу-
щих в СССР, о жизни и строитель-
стве Советского союза.

За 10 лет своего существования
издательство выпустило свыше
двухсот миллионов экземпляров
книг, журналов и газет, в том числе
— массовые издания Толстого,
Чехова и Горького, популярные тех-
нические библиотечки и серию ро-
манов «История молодого челове-
ка», библиотечку романов и периоди-
ческие издания по литературе и ис-
кусству («Литературная газета»,
«Советское искусство», «Литерату-
рное наследство», «Рост», «Кино»).
В настоящее время издает библио-
графическую серию «Жизнь замеча-
тельных людей».

50-ЛЕТИЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

На адрес оргкомитета ЦСР СССР
и редакции «Литгазеты» получены
приветственные телеграммы по слу-
чаю исполнившегося 50-летнего
юбилея Демьяна Бедного от куль-
пропа ЦК КП(б) Грузии и Нарко-
проса Грузии и от писателей-лит-
кружковцев Западной области.

От редакции: В настоящий номер
«ЛГ.» не вошла статья М. Серб-
рянского «Социалистический реал-
изм» и статья М. Чарного «Замет-
ки о критике». Статьи будут поме-
щены в ближайшем номере «ЛГ.»

Ответственный редактор
С. ДИНАМОВ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное
объединение

Адрес редакции:
Москва в а. Тверской б. 25, дом
Герцена, 3 этаж. Тел. 1-30-63

Издательство «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
(«ФЕДЕРАЦИЯ»)
В мае 1932 г. выходит из печати альманах
„ГОД ШЕСТНАДЦАТЫЙ“
под редакцией: М. Горького, Л. Авербаха, Е. Габриловича,
В. Ерилова, В. Павлова, В. Кирпотина, И. Павленко, Н. Тихонова
и А. Фадеева.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО НОМЕРА:
М. Горький — Егор Будачев и др., В. Иванов — Мельник,
М. Кольцов — Иван Вадимович, человек на уроке, К. Паусто-
вский — Судьба Шарля Лонсевича, Э. Баргирский — Дума про
Опаша, Бор. Галин — Метла, Я. Рыкачев — Похороны, В. Забу-
рина — Ветеран Художника Пахлая о своей работе (нет слова Е. Вик-
торова), М. Горький — О прозе, М. Горький — (продолжение), Ша-
булдун Микаэлов — Путь в Англию, рассказы (продол-
жение), Д. Марский — Джеймс Драйден, А. Сперанский — Об эстетическом
и эстетическом, М. Масс, Н. Орман — Заседание о словах, В. Ва-
гранский — На заседании правления Союза, А. Архангельский —
Клетка Демьяна Бедного, Платье, Молочные, С. Шенцов — О чем
думает читатель, когда ему не снится, В. Масс, Н. Орман —
Закон тяготения.

Альманах иллюстрирован снимками с работ ленинских художников и
картинками кукольников.
Цена отдельной книги альманаха на бумаге высшего качества
(36 печатных листов) в розничной продаже — 3 руб.
Адрес редакции: Москва, Тверской бульвар, 25.

Издательство «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
№ 3
ежемесячного литературно-художественного
и общественно-политического оборонного
ЖУРНАЛА
„ЗНАМЯ“

В НОМЕРЕ:
С. Левина — Черная пена, роман (продолжение), А. Веселый — Гу-
ляй Вера, пьеса, Оливье Суэт — Песня солдата-социалиста (пере-
вод с французского А. Гатола), Борис Бак — Дым товарища Та-
теуша, рассказы, П. Москвин — Маша, роман, (продолжение), Ша-
булдун Микаэлов — Путь в Англию, рассказы (продол-
жение), Осаи Кольчев — Письмо бойцов Х армии, оборо-
нительной Нарциан, Донскому атаману Красному, стихи, М. Печки-
н — Марк как художник слова, Военный наблюдатель —
Качественное разоружение на Женевской конференции.

НА ФРОНТАХ ЛИТЕРАТУРЫ:
Г. Зюзя — Класс против класса, В. Перцов — О
дуле времени и правдомом изображении действительности
БИБЛИОГРАФИЯ:
Ф. Зюльдин — Миз. Головацкий «Стихи о гражданской
войне», И. Оксенов — О книге Лебедева «Тяжелый шаг».

Подписка принимается на почте, письмомасами и в отделениях Союз-
печати. На год 24 руб., на 6 мес. — 12 руб., на 3 мес. — 6 руб. Цена отдельного
номера — 3 руб.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
ИСКУССТВО
№ 1—2

Двухмесячный научно-исследовательский и критиче-
ский журнал, орган союзов художников и сну и сп-
ртов, 24 авторских листа (266 стр.), содержит более
200 иллюстраций в тексте и 6 цветных вкладок на
меловой бумаге

Ответственный редактор — О. М. БЕСКИН

Содержание № 1—2
А. Вольтер. Наше замки.
В. А. Фаворский. О композиции.
И. Л. Маш. Цвет в искусстве.
Н. М. Чернышев. Моментальная живопись.
А. Замонкин и Н. Буш. Путь советской живописи за 15 лет.
А. Д. Чегодаев. Книжная и станковая графика за 15 лет.
Самуил Марголин. Художник театра за 15 лет.
И. Э. Грабарь. Актуальные задачи советской скульптуры.
В. Н. Перельман. Самодельное искусство.
М. И. Иоффе. Художественная агитация и задачи искусства
в деревне.
В. Н. Терюков. Революционное искусство в странах капитала.
Иванит Хлопник. Выставка П. Кончаловского.
А. В. Бакушинский. Творчество П. Андреева.
К. С. Кравченко. Выдающиеся признания (Советские художни-
ки на XVII Венецианской выставке).

Цена № 1—2—18 рублей
ПРОДАЕТСЯ в киосках Союзпечати и магазинах
Книгоцентра

Подписка принимается отделениями и киосками Союзпечати, всеми
почтовыми отделениями и письмомасами, а также магазинами Книго-
центра.
Подписная цена на 1 год в номере—54 руб., на 6 мес. 3 номера—27 руб.
Цена отд. номера—3 рубля.